

Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Друзья по лагерю беженцев. Кем стали они через 20 лет стр. 3

Исповедь Сноудена. Захочет ли Германия его принять? стр. 8

Октябрь 2019

№4 (12)

Во что выродилась «Альтернатива для Германии».
Опыт политической анатомии

стр. 4

Парламент накатил на «Немецкую волну».
Россия в поиске врагов

стр. 4

Конфликт надолго.
Чем может закончиться война в Донбассе

стр. 5

Немцы соскучились по «ТВ-Тотал».
О немецком телевидении и его звезде Штефане Раабе

стр. 16

Исполняется 30 лет падению Берлинской стены КАК ЭТО БЫЛО? ЧТО ТЕПЕРЬ РАЗДЕЛЯЕТ ГЕРМАНИЮ? СТР. 9-12

ИСТОРИЯ

Хроника падения

После победы во Второй мировой войне СССР, США, Великобритания и Франция поделили Берлин на четыре оккупационные зоны. Восточная зона, занятая советскими войсками, впоследствии стала столицей Германской Демократической Республики, а на территориях, подконтрольных странам-союзникам, был образован Западный Берлин.

Граница между двумя государствами была относительно открытой — до 1961 года ГДР покинули 2,7 млн человек. Для предотвращения экономических потерь и из-за обострения политической обстановки Совет министров ГДР по рекомендации Организации Варшавского договора принял постановление о закрытии границы. 13 августа 1961 года были построены временные

заграждения, а 18 августа началось возведение бетонной стены. За время своего существования Берлинская стена перестраивалась четыре раза, ее общая длина достигала 106 км, высота — 3,6 м. Вдоль нее располагались 302 часовые вышки, к охране было привлечено свыше 10 тыс. солдат, при этом приказ Минобороны ГДР разрешал погранич-

никам открывать огонь на поражение пытающихся нарушить границу с ФРГ. С 1961 по 1989 год при попытке преодолеть Берлинскую стену погибли от 140 до 192 человек, арестованы свыше 3 тыс., но вместе с тем было совершено 5075 успешных побегов в Западный Берлин и ФРГ. 4 сентября 1989 года под влиянием перестройки и демократиза-

ции в Лейпциге прошла протестная демонстрация с требованиями гражданских свобод и открытия границ. 11 сентября Венгрия открыла границу с Австрией. К 25 сентября 20 тыс. граждан перебрались на Запад через венгерский коридор. 16 октября демонстрация в Лейпциге собрала 120 тыс. человек, через неделю — 320 тыс. Параллельно с этим протес-

ты охватили другие города ГДР, в результате чего руководство правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) ушло в отставку. 4 ноября на главной площади Восточного Берлина Александерплац прошла самая крупная демонстрация, собравшая около 1 млн человек. Чтобы успокоить массы, правительство разработало положение о

въезде и выезде из страны, согласно которому граждане ГДР могли получить визы для посещения Западного Берлина и ФРГ через контрольно-пропускные пункты. 9 ноября 1989 года, выступая на пресс-конференции, транслировавшейся по телевидению, член политбюро ЦК СЕПГ Гюнтер Шабовски огласил новое положение, а на вопрос корреспондента о том, когда новые правила вступят в силу, ответил: «Насколько я знаю — немедленно». Отвечавший упустил тот факт, что положение должно было вступить в силу на следующий день, так как немедленное открытие границ не входило в планы правительства.

Сразу после конференции тысячи граждан направились к пропускным пунктам через Берлинскую стену с требованием их открытия. Под растущим напором толпы пограничники открыли границу, не дожидаясь приказа. Тысячи людей стали перелезать через стену с востока на запад и обратно, в то время как власть бездействовала. Таким образом, в ночь с 9 на 10 ноября «рухнула» Берлинская стена, на протяжении 28 лет являвшаяся символом Холодной войны и разделения мира на два лагеря. Советский Союз, где в разгаре была перестройка, решил не реагировать на эти события. Группе советских войск в Германии было приказано не покидать казармы.

За три дня Западный Берлин посетили более 3 млн человек. 22 декабря открылись для прохода Бранденбургские ворота, через которые была проведена граница, а 22 января 1990 года пограничники ГДР приступили к разбору стены. Сама ГДР перестала существовать 3 октября, войдя вместе с Западным Берлином в состав ФРГ в результате двухсторонних переговоров и заключения Договора об объединении Германии.

ЭКСКЛЮЗИВ

«Не верилось, что это произойдет без кровопролития»

Первое интервью в качестве посла ФРГ в Москве Геца Андреас фон Гайр дал «Д».

Вопросы главе одного из крупнейших в России дипломатических представительств задавал Виктор Лошак.

— Переход на дипломатическую карьеру, и в частности назначение послом в Россию, был для вас ожидаемым?

— Я очень рад, что мне довелось стать послом Германии в России, и, действительно, я приступаю к этой работе с чувством большого уважения, ведь руководство посольства в Москве, совершенно определенно, относится к самым значительным задачам, которые только можно себе представить в германской дипломатии. Когда я только начал учиться в Дипломатической академии, я уж точно не мог представить себе, что моя карьера пойдет по тому пути, по которому она в итоге пошла. Я благодарен всем тем, кто способствовал моему становлению на самых разных постах, проявляя мудрость и терпение, и за ту удачу, которая мне периодически сопутствовала, ведь совсем без нее ничего бы не получилось.

— Есть ли какой-то сигнал в том, что Германия назначила послом в Москву бывшего заместителя министра обороны?

— Мое положение в военном ведомстве не вполне можно сравнить с моим нынешним, но, отвечая на ваш вопрос, скажу: по крайней мере опыт во всем широком спектре политики безопасности с учетом положения в мире на посту посла в Москве явно не повредит.

— С чего вы начали познание России? Что мечтаете увидеть и с кем познакомитесь в первую очередь?

— Страна велика и невероятно многогранна: ее история, ее культура, ее природа. С самого первого дня я с большим интересом смотрю, как люди подходят к общественным реалиям и большим вопросам будущего. Ведь эти вопросы затрагивают нас точно так же, независимо от государственных границ. Я поставил перед собой задачу узнать и понять

это — как в Москве, так и в поездках по стране, в важных переговорах и повседневных встречах.

— Вам, вероятно, близка тема участия Германии в четырехсторонних переговорах в «нормандском формате». Каково, на ваш взгляд, сегодняшнее их состояние? Какими видите следующие шаги?

— Конфликт в Донбассе продолжается пятый год и все еще ежедневно уносит многие человеческие жизни. Многочисленное население ждет, когда наконец этот физический и психический груз спадет с его плеч. Германия по мере сил вместе с Францией старается наметить пути к разрядке и урегулированию ситуации — прежде всего в формате №4, то есть вместе с Россией и Украиной. После продолжительной и пугающей стагнации сейчас, после выборов в Украине, наступил момент, появился шанс, которым необходимо всем вместе воспользоваться. Обе стороны, как Россия, так и Украина, заверяют нас в своем желании найти решение на основе минских со-

глашений. Сейчас мы пытаемся способствовать этому, совершая очень внимательные, скрупулезные и взаимосвязанные шаги на рабочем уровне в соответствии с решениями, принятыми Трехсторонней контактной группой 1 октября, в письменном виде изложил «формулу Штайнмайера». Саммит должен как можно скорее зафиксировать уже достигнутое и увенчаться договоренностями об этапах и целях дальнейших шагов по реализации минских договоренностей. По моим оценкам, это может быть сделано при всеобщем желании добиться конкретно прогресса и готовности проявить друг к другу необходимый минимум политического доверия. Благополучное будущее людей, которых касается этот конфликт, требует одновременного и совместного вложения политического капитала всеми сторонами.

— На днях вы в Краснодаре участвовали в заседании правления «Петербургского диалога». Как вы оцениваете состояние дел в этом са-

мом большом из российско-германских общественных форумов? Что, на ваш свежий взгляд, здесь бы требовалось поменять, исправить?

— Я был очень рад возможности участия на правах гостя в расширенном заседании правления. После всего, что я слышал, в том числе о встрече форума «Петербургского диалога» прошлым летом в Кенигсвинтере, атмосфера снова стала более обнадеживающей. Я могу лишь приветствовать этот факт, ведь в общении по линии гражданского общества бьет пульс взаимоотношений между нашими странами, а лежащая в основе всего симпатия людей в Германии и России в отношении друг друга, которая неизменно велика, зачастую вызывает самые теплые эмоции. На этом основывается «Петербургский диалог» — так, как он задуман, его проекты и его возможности адаптиации к меняющейся ситуации. Ведь уже имеют идеи насчет того, как, например, создать возможность еще более активного участия молодого поколения, в руках которого, как мы знаем, наше будущее. Подозреваю, что мы, старшие, были бы удивлены, увидев, насколько близки друг другу сегодня молодые люди в Германии и России — в своих увлечениях, своих целях, своем образе жизни, своих заботах и страстях. Это важная часть нашей реальности в гражданском обществе, диалог может лишь обогатить наш опыт.

— Есть ли уже сегодня у Германии планы участвовать в российских празднованиях, посвященных 75-летию окончания Второй мировой войны?

— Годовщина окончания войны будет знаковой для 2020 года в России, и мы очень хорошо сознаем всю святость этой памяти. Каким образом конкретно Германия будет представлена на торжествах, я в настоящий момент сказать не могу. У нас в Германии в 2020 году тоже во многих местах будут проводиться мероприятия в память о жертвах и неизмеримых страданиях, которые принесли война и пропасть, в которую столкнулось человечество холокостом. При этом будут подчеркиваться готовность к исторической ответственности, глубокая благодарность за примирение и твердая воля к сохранению мира в Европе.

— Интервью с вами публикуется в номере нашей газеты, посвященном 30-летию падения Берлинской стены. А каковы ваши личные воспоминания об этом? Вы думаете, условной стены сегодня уже не существует?

— Конечно, как и почти любой представитель моего поколения, я в те дни практически не мог поверить в то, что происходило в последние месяцы и недели по всей Европе перед фактическим крушением стены: насильственное разделение моей страны, моей столицы, да и всего моего континента, казалось неизбежным, каким бы противоестественным оно ни было. Я восхищаюсь мужеством людей в Польше, Венгрии, в прибалтийских государствах и во многих других местах, чья мудрость, настойчивость и непоколебимость подготовили путь к этому. Пусть и чувствовалось, что это приближается, но в то же время не верилось, что это произойдет без кровопролития. Момент радости, когда люди бросились в объятия друг друга у стены, я наблюдал в Мюнхене. Это было колоссально, незабываемо, осталось в душе навсегда. Кстати, и тогда всем было понятно, что Германия получила возможность пережить этот счастливый момент своей истории благодаря нашим соседям, друзьям и союзникам, в том числе благодаря Советскому Союзу, который решил не вмешиваться.

Существовавшая тогда стена исчезла в общем-то и в головах, ведь сегодня вопросы внутреннего развития Германии формулируются совершенно иначе, в том числе перед лицом совершенно новых обстоятельств, например в свете самых разных последствий нашей глобализованной экономики.

— Известно, что ваша резиденция на Поварской в ремонте. Где вы живете в Москве или собираетесь жить?

— Резиденция посла Германии, где я пока живу, представляет собой прекрасное здание, в котором в ближайшее время необходимо произвести капитальный ремонт, чтобы оно сохранилось для нас на многие десятилетия. Когда все будет готово, я перееду в другую, временную резиденцию неподалеку, которая, конечно, тоже будет излучать атмосферу, соответствующую уровню германо-российских встреч в Москве. Надеюсь, что моя семья будет часто навещать меня — как в старой резиденции, так и в новой.

— Когда вы начали работать в России, что вас больше всего здесь поразило? Может быть, обрадовало или огорчило?

— В выходные я часто часами гулял пешком по городу, по многим самым разным кварталам. Впечатления от Москвы многообразны и удивительны!

— Если взглянуть из сегодняшнего дня, чтобы вы считали достойным итогом своей московской командировки?

— То, что я хотел бы увидеть, в меньшей степени зависит от успешной работы посла, чем от цели, которую я, как европеец, связываю с успешным будущим: пусть обстоятельство сложится так, чтобы германо-российские взаимоотношения смогли развернуть весь свой потенциал.

«Культура должна бороться с политикой»

Дискуссия о культуре как объединяющей Европу силе состоялась именно в том месте России, где культура национальных традиций понесла наименьшие потери, — в Краснодарском крае. Павел Апрелев о двусторонней встрече координационных комитетов и руководителей рабочих групп форума «Петербургский диалог».

Вряд ли немецкий докладчик Йохан Михаэль Меллер о чем-то заранее договаривался с краснодарским губернатором Вениамином Кондратьевым, но представленный последним Кубанский казачий хор своим видом, не говоря уже о репертуаре, вступил в дискуссию с важным тезисом Меллера: жизнь меняется в сторону стирания национальных границ культуры, все меньше она привязана к традиции. Не только, конечно, «пули», «коней» и «шашки» из казачьих песен хотели показать гостям хозяева встречи. Все-таки понять Россию только из окон гостиницы «Radisson-Украина», где обычно проходят московские встречи форума, сложно. На этот раз председатель российского координационного комитета Виктор Зубков пригласил делегацию в станицу Пластуновская Краснодарского края. Здесь в парк-отеле «Усадьба „Фамилия“», где в открытые окна можно было слышать плеск реки и ржание на конюшне, говорили о том, может ли культура объединить Европу.

Занятым образом из выступлений, предварявших доклады и дискуссию, следовало, что если что-то Европу с Россией сейчас объединяет, так это сам «Петербургский диалог», который стал своеобразным зонтиком, под которым растут и мужают два других российско-европейских форума: «Сочиный диалог» с Австрией и «Трианон» с Францией. Их руководители были гостями встречи в Пластуновской. Форум к тому же главный партнер общеевропейского художественного проекта Diversity United. Этот парад современного искусства, в котором уже участвуют 89 художников из 39 стран, пройдет в Москве, Берлине и Париже. От своих младших партнеров «Петербургский диалог» тоже услышал немало интересного. Например, о стратегии налаживания межличностных отношений между лидерами общественно-политической жизни Москвы и Парижа.

Об общих проектах с западноевропейцами говорила и докладчик с российской стороны руководитель Россотрудничества Элеонора Митрофанова. Опираясь на собственный опыт председателя Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, а позже российско-го посла в этой организации, Митрофанова рассказала о том, как сближают людей сохранение памятников, борьба за их жизнь.

— Совместная работа архитекторов, историков, экспертов разных стран, — сказала она, — вдохновляет многих вокруг.

Во время встречи. Тобиас Тункель — руководитель отдела МИД ФРГ, Рольф Моорманн — рабочая группа «Гражданское общество», Евгения Сайко — рабочая группа «Мастерская будущего»

Пример — большая общая работа специалистов по реставрации храма Анкор Ват в Камбодже. Так было и во время восстановления моста Мостар в Боснии и Герцеговине, которое велось с участием местных жителей. Именно здесь люди, только что воевавшие друг с другом, начали диалог.

«Политики не должны заниматься культурой — для этого есть люди других профессий»

Доклад руководителя группы «СМИ» «Петербургского диалога» Йохана Михаэля Меллера был более полемичен. Он сразу начал с того, что политика и культура — антагонисты («Политики не должны заниматься культурой, для этого есть люди иных профессий») и вообще «культура должна бороться с политикой». По мере усиления гражданского ди-

алога между людьми и странами культура сама становится наиболее важной политикой.

Меллер горячо говорил о вреде одностронности культурных знаний:

— Запад Европы о ее Востоке и наоборот знают мало. Оттого, что люди в Германии осведомлены о потерях национального искусства в результате Второй мировой и ничего, например, не знают о российских потерях в этой сфере, они делают неверные выводы. В то же время потребность во взаимном знании есть — достаточно посмотреть на количество откликов на выставку о Рильке в России или работу Центра Марины Цветаевой во Фрайбурге.

Докладчик разочарованно констатировал, что не уверен, все ли в аппарате ЕС понимают значение культуры и культурного диалога. Тревожно, что исчез, например, еврокомиссар по вопросам культуры: теперь человек на этой должности называется еврокомиссаром по делам молодежи и инновациям. В то же время нельзя не видеть, что в Европе создается все больше и больше совместных культурных институтов, у континента появился даже собственный культурный атташе в Китае.

Член ученого совета Европейской академии наук и искусств Вильфрид Бергманн с ходу вступил в дискуссию с тезисом докладчика о стирании национального в культуре. Его встречный тезис был прост: налогоплательщики имеют право на свою национальную

культуру в силу того, что культура существует на их деньги. И еще он заметил, как видна зависимость культуры от национальных корней хотя бы на примере немецкой, которая до сих пор не может справиться с уничтожением при нацизме ее еврейской части.

Культивировать национальные границы в культуре или стирать их? Посол Германии в России Геза Андреас фон Гайр посчитал такую дискуссию несколько надуманной. Его опыт проведения Мюнхенской конференции по безопасности говорит о том, что в ключевых вопросах молодежь хочет жить в условиях прозрачности, и, к примеру, организациям «взрослой» дискуссии пришлось провести в Мюнхене ее аналог для тех, кому еще нет 30. Из этого опыта посол и предложил объединить в один дискуссионный клуб молодых участников всех трех российско-европейских диалогов. В ходе обсуждения руководитель рабочей группы «СМИ» с российской стороны Виталий Игнатенко заметил, что не говорить с молодежью о культуре или без привлечения культурных аналогов — это значит говорить поверх ее голов. Он вспомнил китайскую мудрость: «Политику делают император и певец». Евгения Сайко из «Мастерской будущего» заметила: культура для общества — это еще и средство раннего оповещения о неприятностях.

Как всегда, на ежегодной встрече правления форума руководители рабочих групп рассказывали о своих планах на год. Встреча в Пластуновской не стала исключением. Волнующих гражданские общества двух стран тем оказалось, как всегда, много: экономика медицины, преодоление бесчеловечности пенсионных систем, подготовка меморандума о взаимном упрощении выдачи виз молодежи, школа молодых историков, реабилитация побывавших в заключении женщин и подростков... 30 заседаний рабочих групп «Петербургского диалога» проходят за год и, как показал последний опыт, обмен планами приводит к одному важному итогу — совместному заседанию рабочих групп в случаях, когда обсуждаются пограничные между ними темы...

Иногда к гражданским форумам выдвигают претензию, будто их итоги трудно, что называется, пощупать. Когда нынешнее заседание правления подходило к концу, кто-то из зала сказал: «Не забудьте, в Железноводске вот-вот откроют памятник немцу — первооткрывателю кавказских минеральных вод доктору Федору Гаазу».

ФОТОРЕПОРТАЖ

Конард Лорд и другие чемпионы

Хозяева последней встречи правления форума «Петербургский диалог» попытались дать гостям максимальное представление о традициях кубанских казаков. После заседания правления немецкая и российская делегации отправились на ипподром станицы Павловская, где прошли традиционные скачки. Фотокорреспондент «Д» Анатолий Жданов провел этот день вместе со съехавшимися в Краснодарский край гостями.

Сопредседателю «Петербургского диалога» Виктору Зубкову, как никому среди участников форума, понятны заботы хозяина ипподрома президента «Кубань-холдинг» Василия Толстопятова (слева), ведь начинал как руководитель экс-премьер в сельском хозяйстве

Колокол. Старт

Заезд идет к финишу. Йоханес Эльдемманн — руководитель рабочей группы «Церкви в Европе», Марен Шабер — руководитель проекта, Вильфрид Бергманн — руководитель рабочей группы «Наука и образование» — болеют за своих

Исполнительный директор форума Мартин Хоффман. Успеть сфотографировать победителя

Кубанские часы

В перерыве между скачками на ипподроме выясняли, кто самый сильный

Павловская — старинная краснодарская станица. Наверняка ее имел в виду местный уроженец знаменитый советский поэт-песенник Николай Доризо, когда писал свой хит «На тот большак, на перекресток...». Год назад в Павловской открылся свой большой ипподром. Тут все подчеркивают, что ипподром сертифицирован, а таких у нас в стране лишь семь. Интересно, что, когда в Павловскую приходят большие скачки, ипподром заполняется почти до

отказа: тут собираются около 12 тыс. человек всех возрастов. Можно сказать, что вместе с гостями на трибунах без малого половина станицы.

В день, когда правление форума прибыло за 100 км от Краснодара в Павловскую, здесь не только проходили заезды орловских и арабских скакунов, традиционные старты «Павловский классик» и «Павловский спринт», но и народно-казачьи скачки, на которых наездники показали класс не только джигитовки, но и

обращения с шашкой. Главным заездом скачек был тот, в котором участвовал победитель заездов на приз президента России жеребец Конард Лорд. Для семилетнего коня это были одни из последних в жизни соревнований.

Хозяева угощали немецких гостей, попутно объясняя им, что просто нельзя представить себе Краснодарский край без конных соревнований — в прошлом году скачкам на Кубани исполнилось уже 150 лет.

ПЕРСПЕКТИВА

Форум: планы и встречи

До конца года рабочие группы «Петербургского диалога» ждет напряженная работа

27 ОКТЯБРЯ — 3 НОЯБРЯ, МЮНХЕН, ЭРЛАНГЕН, БЕРЛИН
Молодежные богословские встречи в рамках рабочей группы «Церкви в Европе»

14–16 НОЯБРЯ, БАДЕН-БАДЕН
Круглый стол рабочей группы с конкурсантами премии им. Петера Бёниша в рамках рабочей группы «СМИ»

20–24 НОЯБРЯ, МОСКВА
Германо-российский инклюзивный социальный форум «Здесь человек, здесь могут им быть» при поддержке форума «Петербургский диалог» в рамках рабочей группы «Гражданское общество»

25–27 НОЯБРЯ, БЕРЛИН
Заседание рабочей группы «Гражданское общество»

25–27 НОЯБРЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Встреча участников подгрупп «Цифровой университет» и «Университет 2025» в рамках рабочей группы «Наука и образование»

25–27 НОЯБРЯ, СОЧИ
Заседание рабочей группы «СМИ» по теме «Культура как объединяющая сила Европы»

27–28 НОЯБРЯ, СОЧИ
Двусторонняя встреча издателей и редакторского состава газеты «Петербургский диалог»

27–29 НОЯБРЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Заседание рабочей группы «Экономика» по теме «Природоохранные технологии»

3–6 ДЕКАБРЯ, ТОМСК
Русско-немецкий фестиваль актуального научного кино при поддержке форума «Петербургский диалог»

7 ДЕКАБРЯ, ТОМСК
Science Slam при поддержке форума «Петербургский диалог» (совместно с Германо-российским форумом)

16–18 ДЕКАБРЯ, БЕРЛИН
Заседание рабочей группы «Мастерская будущего»

КОНКУРС

Возвращение домой

Нам показалось важным представить читателям работу, победившую в нынешнем году на журналистском конкурсе имени Петера Бенеша форума «Петербургский диалог». Это статья молодой журналистки **Александры Ройков**, опубликованная еженедельником «Ди Цайт».

В детстве Саша какое-то время жила в общежитии для претендентов на статус беженца в швабском городе Людвигсбург.

24 года спустя она решает отыскать своих тогдашних соседей. Поиски помогли ей многое узнать не только о себе, но и о том, при каких условиях интеграция может оказаться успешной.

Александра
Ройков

Картина, открывшаяся нашему взору, была настолько жалкой, что мы испугались: острая металлическая изгородь, за ней — здание из бетонных плит, скорее серое, чем белое. Внутренний двор был завален мусором, смуглые мужчины препирались друг с другом на незнакомом нам языке. Некоторые из них приблизились и уставились на нас. Это были беженцы — такие же, как и мы.

Дом за забором стал нашим первым пристанищем в Германии. Бетонный барак располагался не просто на огороженной территории, но и к тому же в чистом поле, в сотнях метров от любого жилья. В то время здесь находилось около 300 претендентов на статус беженцев из 15 стран. Их ряды пополнили моя мать, мой отец, брат-близнец и я. Мне было тогда 4 года.

МНЕНИЕ

Парламент накатило на «Немецкую волну»

Отказ от допуска на выборы в Мосгордуму большинства кандидатов от оппозиции вызвал массовые акции недовольства в российской столице. Тысячи человек приняли участие в санкционированных и несанкционированных властями выступлениях. Большинство несанкционированных митингов завершилось массовыми задержаниями, а позже — судами и суровыми приговорами. О том, как эти протесты приобрели международное измерение, рассуждает научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД **Артем Соколов**.

Артем Соколов

Представитель МИД России Мария Захарова обвинила посольство США и медиахолдинг Deutsche Welle (DW) во вмешательстве во внутрироссийские дела. Поводом послужили сообщения в социальных сетях, в которых содержались призывы к участию в несанкционированных акциях (подразумевался, в частности, призыв «Вставай, Москва!» в одном из сообщений в Twitter DW) или информация об их времени и месте проведения. Позже аналогичные обвинения повторили в Государственной думе и Совете федерации, создав специальные комиссии. Временный поверенный в делах посольства ФРГ Бете Гжески была вызвана в российский МИД для объяснительной беседы. По итогам скандала Государственная дума сформировала комиссию по расследованию иностранного вмешательства во внутренние дела России, которая, конечно же, это вмешательство нашла и им же объяснила протесты.

Казарменная чистота информационного пространства столь же сомнительна, как и разнузданная вседозволенность

Недовольство российских властей объяснимо. Еще с советских времен DW пользуется в России противоречивой репутацией. Наряду с «Голосом Америки» и ВВС «Немецкая волна» рассматривалась советским руководством как классический пример «вражеских голосов», и ее трансляция на территории СССР ограничивалась. Примечательно, что даже во время горбачевских реформ легальное ве-

щение DW началось только в конце 1988 года («Голоса Америки» и ВВС — в 1986 года), когда советская пресса в своем разоблачительном пафосе уже превзошла западные СМИ.

В представлении наших властей DW не является обычным немецким медиаизданием наподобие Spiegel или Suddeutsche Zeitung. Финансирование «Немецкой волны» осуществляется за счет государственных средств, а высший управляющий орган издания формируется при непосредственном участии властных структур ФРГ. Все это позволяет российским чиновникам рассматривать любое выступление DW едва ли не как официальное заявление из Берлина или неприкрытую пропаганду немецкого правительства, эмоционально реагируя в ответ.

Год назад редакция DW уже подпадала под огонь критики Марии Захаровой. Недовольство вызвал анонс интервью с двоюродной сестрой Олега Сенцова Натальей Каплан, в котором усмотрели оскорбление российского руководства. В СФ объявили о проверке деятельности «Немецкой волны» на предмет соответствия российскому законодательству и пригрозили отозвать вещательную лицензию в случае, если будут найдены нарушения. Судя по тому, что редакция продолжает свою работу в России, проверка не нашла ничего противозаконного или не проводилась вовсе.

Оправданны ли опасения российской стороны? Эпоха информационных войн формирует своеобразное соперничество крепостей и осадных орудий. Вряд ли Россия — единственное государство, которое пытается обе-

спечить себе защиту от агрессивных атак в медиасфере. Однако, воздвигая стены информационной защиты, можно, увлекшись, замуровать и ворота.

«Немецкую волну» сложно назвать популярным СМИ даже среди оппозиционно настроенных россиян. Для многих из них, особенно молодых, DW — реликт эпохи Холодной войны и диссидентского движения.

Неочевидно, что вышедшая на митинги московская молодежь была вдохновлена «Немецкой волной»

Twitter-аккаунт издания (именно к нему у российского руководства накопились основные претензии) насчитывает 186 тыс. человек. Для сравнения: аккаунт радио «Свобода» — 298 тыс. человек, аккаунт «Первого канала» — свыше 3 млн человек, аккаунт RT на русском языке — 859 тыс. человек. Да, DW активно осещает деятельность внесистемных оппозиционеров, но сами они редко выставляют напоказ такую информационную поддержку. На официальном сайте Алексея Навального, например, удалось найти только одну ссылку на материал «Немецкой волны».

Сторонники российских оппозиционеров не склонны доверять государственным СМИ. Но мало кто из них готов безоговорочно следовать рекомендациям иностранных медиа. Тем более выйти на несанкционированную акцию протеста из-за призыва в социальных сетях. Настоящей мобилизующей силой обладают личные аккаунты активных представителей оппозиции и общественных деятелей.

позиции «лидеров мнений», тематические сообщества и сайты. Даже если митингующие надеялись на некую зарубежную поддержку, меньше всего они ожидали ее от иностранных СМИ с их устоявшейся редакционной политикой и сравнительно небольшой популярностью в России.

Жесткая реакция, особенно в парламенте, на действия «Немецкой волны» выглядит до известной степени избыточной. Безусловно, взгляд на современную информационную среду как на арену противостояния «новой Холодной войны» имеет веские основания. Трудности, с которыми сталкивается медиакомпания Russia Today в Германии, говорят о том, что и на Западе не всегда готовы к неограниченной информационной открытости. Однако политика крайних мер редко эффективна. Казарменная чистота медиасреды столь же сомнительна, как и разнузданная вседозволенность. Иммунитет к провокациям не способен сформироваться в условиях информационной стерильности. Если бы граждане страны были готовы свергать ее руководство по призыву зарубежного медиахолдинга в Twitter, то это стоило бы рас-

сматривать как симптом серьезных проблем не столько в самом медиа, сколько в обществе и государстве.

Советский опыт работы с Deutsche Welle и другими «вражескими голосами» трудно назвать успешным. Законодательное и техническое ограничение трансляций вызывало эффект запретного плода, автоматически повышая их ценность. Передачи DW в конечном счете находили своих слушателей, воодушевленных приобретением к запрещенным истинам. В кризисных ситуациях, таких как ввод советских войск в Афганистан или авария на Чернобыльской АЭС, восприятие официальной позиции советского руководства внутри страны деформировалось слухами, основанными на сведениях из «радиогазет».

Ограничение деятельности или блокировка сайта «Немецкой волны» на территории России будут обманчивой мерой защиты информационного пространства. Подобные методы рискуют спровоцировать медиасреду на новые, более яркие возмущения. После вызова представителя ФРГ в российский МИД инцидент можно считать исчерпанным. DW, никак не прореагировавшая на демарш российских депутатов, продолжит работать в России в рамках собственной редакционной политики, сохраняя свою читательскую базу. Этот статус-кво удобен всем.

Возможно, это прозвучит наивно, но лучшим способом защиты от информационных атак стало бы отсутствие для них удобных поводов. Силовой разгон демонстрантов, выступающих в поддержку, по их мнению, несправедливо отстраненных от выборов кандидатов, подготовил хрестоматийную картинку государства, действующего в отношении своих граждан жесткими методами. Со стороны внешнего наблюдателя возникает закономерный вопрос: если такие страсти разворачиваются вокруг не самых значимых с политической точки зрения выборов в Мосгордуму, то что дальше?

Во же время современная медиасреда может генерировать поводы для информационных атак и на зыбкой почве. К сожалению, российские и западные СМИ, сталкиваясь с провокациями, выступают чаще как антагонисты, чем коллеги по цеху. До рождественского перемирия или братаний на информационном фронте еще очень далеко.

ПАРЛАМЕНТ

Германия: вперед, в прошлое?

«Альтернатива для Германии» (АдГ) объединяет тех, кто пережил травму после воссоединения Германии, и тех, кого пугает завтрашний день. Но традиционные партии остаются опорой немецкой демократии, считает главный редактор немецкого выпуска «Д» **Петер Кепф**.

Петер Кепф

В Гёрлице, живописном городке на самом востоке Германии на границе с Польшей, Голливуд снимал картины с Джеки Чаном и Арнольдом Шварценеттером («Вокруг света за 80 дней»), Кейт Уинслет и Дэвидом Кроссом («Чтец»), Тильдой Суинтон и Биллом Мюрреем («Отель „Гранд Будапешт“)». Но за красивыми фасадами скрываются слабая экономика и солидное количество пожилых, не удовлетворенных жизнью горожан, потерявших веру в будущее. Многие жители «Герлицу» не в восторге от Евросоюза и политического истеблишмента Федеративной Республики, и потому на выборах в ландтаг 1 сентября больше трети голосов достались АдГ — партии с сильным правым уклоном.

На выборах в ландтаг в Саксонии и Бранденбурге эта партия, именующая себя «Альтернативой для Германии», заручилась поддержкой почти миллиона избирателей, что составляет около четверти от имеющих право голоса. Согласно прогнозам, на выборах в Тюрингии 27 октября АдГ может рассчитывать на аналогичные результаты. Там ее должна опередить только партия «Левые».

Иными словами, каждый четвертый избиратель на востоке Германии снимает политический обоюдопояс, допускающим крайние правые, антисемитские, расистские высказывания, выражающие презрение к человеку. Так что же — Германия движется в прошлое?

Если быть кратким, то нет. В западных землях, где население больше, АдГ демонстрирует куда меньшие успехи. Но и на «благодатном» к АдГ востоке почти три четверти отдадут предпочтение другим партиям. Ни в Саксонии, ни в Бранденбурге АдГ не стала главной политической силой, к тому же с ней никто не готов вступать в коалицию.

При этом АдГ надеялась и даже рассчитывала вырваться на первое место и тем самым подготовила низвержение Ангелы Меркель. На предвыборных плакатах красовался призыв довести перемены до конца («Vollende die Wende»); дескать, мирная революция 1989 года не принесла желанных плодов, ситуация напоминает времена ГДР. Однако такая постановка вопроса вызвала возмущение.

Может быть, сам лидер «Альтернативы для Германии» Александр Гаулант (справа) и не лишен культуры и обходительности, но в партии он привлек немало немцев, у которых с культурой отношения не сложились

На прошедших выборах в ландтаг худшего сценария (на этот раз) удалось избежать. Пост премьер-министра в Бранденбурге снова достанется представителю СДПГ, в Саксонии — христианскому демократу. Ангела Меркель будет оставаться федеральным канцлером до конца нынешнего срока, а возможно, вопреки ее собственному заявлению, и дольше. Не исключено, что в отсутствие харизматичной альтернативы она еще будет нужна Христианско-демократическому союзу Германии (ХДС).

Но что стоит за сетованиями многих восточных немцев на незавершенность политических перемен? И почему так много людей в новых федеральных землях считают, что их интересам пренебрегают и с ними обращаются как с гражданами второго сорта?

The New York Times писала о «разрыве между Востоком и Западом 30 лет спустя после падения стены». Washington Post утверждает, что на востоке «безработица по-прежнему выше, а зарплаты и пенсии ниже западных».

Обратимся к фактам: уровень безработицы в среднем по Саксонии составляет 5,7%, в Бранденбурге — 5,6% (в целом по стране — 5,1%). В Северном Рейне — Вестфалии, то есть на западе, эта цифра составляет 6,7%, в региональном антирейтинге лидируют Гельзенкирхен (13,4%) и Дортмунд (10,4%).

Средние зарплаты на востоке Германии действительно все еще ниже. Саксонцы и бранденбуржцы за прошлый год заработали на 20% меньше, чем в среднем по Германии. У этого много причин: в Восточной Германии к низкооплачиваемым работникам относятся треть занятых на полную ставку, в то время как в Западной Германии их доля в два раза меньше. На востоке больше работающих женщин, которые в силу ряда факторов зарабатывают примерно на 20% меньше мужчин. На востоке по-прежнему мало крупных компаний и множество структурно слабых сельскохозяйственных регионов. Экономический потенциал востока до сих пор составляет около 75% от показателей запада.

В то же время в городах с большим количеством крупных компаний растет не только уровень зарплат, но и расходы на стем жилья и стоимость жизни в целом.

Далее: размер пенсии зависит от размера доходов, который до сих пор определяется размером зарплат, в том числе в бывшей ГДР. В рамках сложных правил о компенсации пенсионных выплат до 2024 года ситуация должна полностью выправиться.

Впрочем, граждане с низким доходом обязательно становятся сторонниками АдГ. В Саксонии больше всего получателей Harz IV (минимального пособия для хронических безработных — Д) зарегистрировано в Лейпциге, но там «Альтернатива» получила существенно меньше голосов, чем в других городах.

Есть более веские причины для неприятия «системы» и «истеблишмента», чем тощкий кошелек. Часть из них относится к прошлому, другая часть — к настоящему. 30 лет спустя по-

сле падения Берлинской стены и последующего воссоединения многие восточные немцы чувствуют себя преданными и проданными. Как им представляется, так называемое ведомство по опеке (равно агентство по приватизации) за бесценок отдало заводы и фабрики западным концернам, люди были брошены на произвол практически нерегулируемой капиталистической системы, при которой под идеологическим соусом экономического либерализма имущие богатееют, а бедные нищают. Тем, у кого во времена ГДР была работа, сегодня приходится проводить время в очередях на бирже труда.

Кроме того, многим восточным немцам кажется, что их исторический вклад в смену режима без единого выстрела и без кровопролития не получил должной оценки. Что веси — западные немцы — по сей день считают свою готовность принять ости в состав ФРГ актом доброй воли и гуманизма. Наконец, после воссоединения страны западногерманские рыцари удачи стали пользоваться неопытностью братьев и сестер на востоке — когда последние замечали свою ошибку, ими овладевало глубокое чувство недовольства.

Такое униженное положение переросло в комплекс неполноценности. Те же, кто был достаточно молод, чтобы поставить свою жизнь с ног на голову и начать с чистого листа, сегодня (нередко совершенно безосновательно) боятся снова лишиться всего. Бранденбургское село Хиршфельд на границе с Польшей «прославилось», когда больше половины избирателей (307 человек) отдали свои голоса

гиональных партий — для разозленных сторонников партии все это не беда.

Председатель АдГ Александр Гаулант, до 2013 года состоявший в буржуазно-консервативном ХДС и успевший сделать достойную карьеру в политике и публицистике, называет свой новый политический дом «буржуазной народной партией». Но партийные лидеры не только оказываются в центре внимания вследствие крайне правых высказываний и грубой риторики — зачастую им недостает бюргерских норм и манер.

Важно понимать, что партийная верхушка ориентируется на запросы партийных масс. Функционеры стараются соответствовать ожиданиям членов и сторонников АдГ. Курс на компромисс с традиционными партиями эти массы сочили бы предательством. Преступником против свободы слова, как они ее понимают, рискует прослыть и тот, кто решится призвать соратников умерить свой пыл. Поэтому многие сторонники либеральной экономики и национальных идей, стоявшие у истоков АдГ, сегодня выходят из партии, освобождающиеся места занимают крайне правые. Националистическое крыло растет, курс смещается вправо. В партии оцены комфортного многочисленным ультраправым, которые заседают в парламенте на уровне федерации и земель, участвуют в распределении муниципального финансирования общественных объединений и учреждений культуры. Гаулант, по сути, человек культурный, не пытается воспрепятствовать ни смещению вправо, ни радикализации риторики: он адаптировался.

«Распущенный язык» АдГ напоминает «исписанную гадостью стену туалета. В нем нет и намек на бюргерские нормы»

АдГ. Сегодня журналисты описывают Хиршфельд как импозантное село с приличной инфраструктурой — и без единого беженца.

АдГ с ее громким, пронзительным, ксенофобским популизмом зазывает в свои ряды тех, кто пережил травму после воссоединения Германии, и тех, кого пугает завтрашний день. Ее электорат — это главным образом мужчины в возрасте 30–60 лет, не получившие «аттестата зрелости» и тем более высшего образования, а также рабочие. Они боятся потерять работу, боятся падения уровня жизни.

Сильный правый уклон АдГ в целом их не смущает. Скандаль, поддержка крайне правых группировок, участие в демонстрациях крайне правых, растраты, некрасивые истории с пожертвованиями, публичные разборки и отсутствие консенсуса, отмежевание ре-

После убийства в июне политика от ХДС Вальтера Любке берлинский корреспондент швейцарской газеты Neue Zürcher Zeitung Марк Феликс Серрао процитировал председателя Бундестага Вольфганга Шойбле, сказавшего, что язык и раньше «служил питательной почвой для насилия и даже убийств». И далее: «распущенный язык» АдГ напоминает «исписанную гадостью стену туалета. В нем нет и намек на бюргерские нормы». Язык АдГ способен «производить убийц».

Еще раз подчеркнем: АдГ — это явное меньшинство. На весенних выборах в Европарламент эта партия получила всего 11% голосов. В отличие от Марин Ле Пен во Франции, АдГ далека от прихода к власти. И, несмотря на холодный встречный ветер, традиционные партии остаются опорой немецкой демократии.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Формула долголетия конфликта

В Донбассе может закончиться война, но не противостояние — к такому выводу пришел Владимир Соловьев.

Владимир Соловьев

Президент Украины Владимир Зеленский хочет закончить войну в Донбассе. При всей сложности задачи эта миссия менее невыполнима, чем политическое урегулирование конфликта. Компромисс по «формуле Штайнмайера» не приближает возвращение под контроль Киева непризнанных Донецкой и Луганской народных республик. Поэтому переговоры на этот счет нужно рассматривать не как процесс в динамике, а как статус-кво, растянутый на неопределенный период.

Добиться мира в Донбассе Владимир Зеленский обещал, еще только претендуя на пост президента Украины. После того как он им стал, эта мантра звучит чаще. Не проходит недели, чтобы украинский лидер не заявил: достижение мира — его главная цель и даже миссия.

При Зеленском тема урегулирования конфликта на востоке Украины действительно вернулась в повестку отношений Москвы и Киева, из которой выпала под конец президентского срока Петра Порошенко, а заодно и в европейскую повестку. И вернулась она в позитивном ключе — если к конфликту вообще применимо прилагательное «позитивный».

За пять месяцев у власти Владимир Зеленский несколько раз общался по телефону с российским коллегой Владимиром Путиным. Говорил и встречался с канцлером Германии Ангелой Меркель, президентом Франции Эммануэлем Макроном.

Согласовывать модель политического урегулирования можно годы, а то и десятки лет

Переговоры имели практические последствия. Советники и помощники лидеров Германии, России, Украины и Франции («нормандская четверка») Ян Хеккер, Владислав Сурков, Андрей Ермак и Эммануэль Бонн стали встречаться и созваниваться. А трехсторонняя контактная группа по урегулированию конфликта на востоке Украины, чьи заседания в Минске в какой-то момент приобрели скорее ритуальный ха-

Мир в Донбассе входит в планы нового президента, но не входит в планы украинских националистов всех мастей, что они и продемонстрировали на октябрьском марше

актер, приступила к работе над вопросами, решение которых должно было обеспечить проведение саммита «нормандской четверки».

Условия, выполнение которых делало возможным встречу лидеров четырех стран, выдвинула Москва. Их два: разведение сил и средств

сле проведения там выборов, которые ОБСЕ должна признать честными, свободными и соответствующими ее стандартам.

Проблема была в том, что в виде документа «формула Штайнмайера» никогда не существовала. А значит, трактовать ее можно было как угодно. И даже заявлять, что никакой формулы на самом деле нет. Но Хеккер, Сурков, Ермак и Бонн в итоге согласовали документ, уместающийся на одном листе бумаги и, по сути, состоящий из двух абзацев.

Выглядит он безобидно и гласит, что закон об особом статусе ОРДЛО «вступает в силу в 20:00 по местному времени в день голосования на внеочередных выборах в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, которые назначены и проведены в соответствии с конституцией Украины и специальным законом Украины, регулирующим внеочередные местные выборы в вышеупомянутых районах».

Также там говорится, что закон об особом статусе будет действовать временно — до момента опубликования миссией наблюдателей ОБСЕ итогового доклада о выборах. И только если ОБСЕ признает выборы соответствующими всем стандартам, закон начнет действовать на постоянной основе.

Представители ОБСЕ, Украины, России и двух непризнанных республик подписали бумагу 1 октября. В тот же день была согласована дата разведения сил в Золотом и Петровском: начало отвода назначили на 7 октября.

Как только новость об этом из Минска долетела до Киева, в украинской столице мгновенно начались протесты против капитуляции Владимира Зеленского перед Кремлем — это было первым серьезным выступлением против новой власти. Организовали протест националисты и Петр Порошенко. Антипрезидентские митинги потом повторились. И, судя по всему, Зеленскому не раз придется их наблюдать в будущем.

В этом есть и его вина. Команда президента, считающая коммуникацию с обществом чуть ли не самой сильной своей стороной, на этот раз ее полностью провалила. До подписания «формулы Штайнмайера» никто из представителей власти не удостоился внятно объяснить, что она означает на самом деле.

Разъяснения о том, что местные выборы в ОРДЛО возможны только после вывода отсюда войск и установления Украиной контроля над участком границы с Россией, на ко-

тором его нет с 2014 года, последовали только после того, как акции оппозиции и националистов убедили многих, что подписание формулы — это провал Киева. Эту ситуацию Владимир Зеленский частично отыграл, экстренно созвав большую пресс-конференцию, которая продлилась 14 часов. На ней он, кстати, честно признал ошибку в коммуникации.

Но в результате было сорвано разведение сил на двух небольших участках в Золотом и Петровском, которое не состоялось ни 7 октя-

Проблема была в том, что в виде документа «формула Штайнмайера» никогда не существовала

бря, ни позже. В том числе потому, что представители правых украинских сил и их единомышленники обещали немедленно занять позиции, если их покинут вооруженные силы Украины.

Отвод, без которого, как продолжает настаивать Москва, не состоится саммит в «нормандском формате», еще может произойти. И шанс на то, что до конца года лидеры «четверки» впервые с 2016 года соберут-

ся в Париже, чтобы поговорить, что делать дальше с конфликтом в Донбассе, все еще есть. Более того, готов даже проект документа, который они должны подписать по итогам встречи.

Его содержание не раскрывается, но пока ничего не указывает на то, что саммит может завершиться провалом. Главным образом потому, что Москва хотела бы для Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) такой статус в составе Украины, который, по сути, превратил бы этот регион в зону ее исключительного влияния со всеми вытекающими отсюда политическими и геополитическими последствиями. Киев на это пойти не может. И категорически против того, чтобы особый статус ОРДЛО был зафиксирован в конституции страны.

Еще одна причина, по которой «формула Штайнмайера» рискует остаться компромиссом, который ни на миллиметр не сдвинул процесс урегулирования конфликта, заключается в том, что в случае ретриггера ОРДЛО в состав Украины встанет вопрос Крыма. В Кремле в этом уверены. Да и Киев об этом говорит вполне открыто. Представитель президента Украины в Автономной Республике Крым Антон Кориневич заявил: «Мы не должны, мы не можем, у нас нет права забывать, что Крым и Донбасс — это две стороны одной проблемы, которая привнесена извне, и если мы будем концентрироваться только на чем-то одном, а о другом забывать и говорить: „Потом дойдут руки“, мы вряд ли сможем достичь какого-то результата».

Если позиции сторон не изменятся, единственное, на что можно надеяться, — это выполнение сторонами минских соглашений в части прекращения огня на всей протяженности линии соприкосновения и создания там зоны безопасности шириной 50 км. В этом случае все участники «нормандской четверки», в том числе Владимир Зеленский, заработают очки. Если война закон-

ДИПЛОМАТИЯ

«Великий учитель»

Своими недавними действиями украинский президент Владимир Зеленский подыграл Дональду Трампу и огорчил своих европейских союзников. О будущем отношений Украины, США и ЕС для «Д» размышляет Дмитрий Стратиевский.

Дмитрий Стратиевский

«Украинский скандал», «Новый Уотергейт» — такими заголовками немецкие СМИ отметили новость о телефонном разговоре американского президента Дональда Трампа и его украинского коллеги Владимира Зеленского, состоявшемся еще 25 июля. Критика была вызвана прежде всего попыткой Трампа заручиться поддержкой Киева для преследования бывшего вице-президента США и его сына Джо и Хантера Байденов и даже повлиять на Зеленского в этой связи.

Украинская пресса, обычно интересующаяся в основном внутренней политикой и отношениями с Россией, тоже посвятила этой теме немало полос, в некоторых материалах говорилось и о «возможном давлении» Трампа на Зеленского.

Однако стоит вспомнить, что Зеленский, еще будучи кандидатом в президенты, открыто сделал ставку на американскую поддержку в конфликте на востоке Украины и потому регулярно апеллирует к Штатам и Евросоюзу одновременно, как, например, в своем разговоре с Трампом 25 сентября: «Мы понимаем, что

только ЕС и США вместе могут положить конец войне в Донбассе».

Кремль тоже «просит» Белый дом оказать «влияние» на Украину в этой связи, что вполне соответствует «американистичной» картине мира Москвы. Для Трампа украинский конфликт, напротив, подстрочное примечание на странице мировой политики, которое следует читать прежде всего под углом российско-американских отношений. Он не скрывает отсутствия интереса к активному участию в выступлении на чьей-либо стороне и рекомендует Киеву «сотрудничать с Россией».

С учетом такого контекста Зеленский допустил ряд ошибок, стремясь любой ценой перетянуть президента США на свою сторону. Так, его льстивые речи: «Вы для нас и в этом великий учитель» («You are a great teacher for us and in that»), занесенные в протокол, были опубликованы почти одновременно с обнародованием Украиной «формулы Штайнмайера» — «дорожной карты» для поэтапной реализации минских соглашений 2015 года. «США — куда более важный партнер для нас,

Президент Украины допустил ряд ошибок, пытаясь перетянуть Трампа на свою сторону

У Владимира Зеленского желание понравиться европейским лидерам (на фото — с Эммануэлем Макроном) вошло в противоречие с откровенностью в беседах с американским президентом

чем ЕС, за что я вам весьма признателен», — подчеркнул Зеленский, не преминув вспомнить о санкциях против России.

Опубликованная стенограмма показывает, что Зеленский позволил себя использовать и в результате был втянут во внутривнутриполитические разборки в Штатах, а это наихудший сценарий для любого иностранного главы государства. Кроме того, Зеленский согласился с утверждением Трампа, что Германия и Фран-

ция слишком мало делают для мирного решения конфликта. Но в действительности Париж и Берлин являются официальными участниками «нормандского формата», в отличие от Вашингтона, и очень серьезно относятся к концепции, согласно которой общеевропейская архитектура безопасности немислима без мира на Украине.

Упреки обоим участникам телефонного разговора в адрес Евросоюза, который якобы практически ничего не делает для Украины, вызвали резкую критику в Брюсселе. Решительнее других им возразил Эльмар Брок, советник действующего президента Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера по Украине и правая рука Ангелы Меркель в вопросах восточноев-

ропейской политики. Зеленский не только не добился цели — подвинуть европейские державы к более активной позиции при посредстве Вашингтона, но и спровоцировал ненужное раздражение в коммуникации с Брюсселем.

Интенция Зеленского совершенно прозрачна: его главным предвыборным обещанием был «мир на Донбассе» — именно поэтому большинство украинцев отдали за него свой голос. Теперь президент должен держать данное слово и как минимум вдохнуть новую жизнь в переговоры в «нормандском формате», иначе кредит доверия будет быстро исчерпан.

Зеленский недооценивает восприимчивость многих украинских граждан, которых коснулась война. Воля к сопротивлению в кругах оппозиции, близких к Петру Порошенко, а также со стороны национал-патриотических и националистических сил оказалась невелика. Но рейтинг Зеленского просел сразу на несколько процентных пунктов. Он по-прежнему остается самым популярным политиком в стране, од-

В октябре Зеленского поддержали 45% опрошенных — на 12% меньше, чем месяц назад

нако в октябре его политику поддерживают 45% опрошенных — на 12 процентных пунктов меньше, чем месяцем ранее. К тому же этот показатель впервые после вступления Зеленского в должность опустился ниже 50%. Количество симпатизирующих Зеленскому тоже снизилось на 9%. Уровень оптимизма в обществе, еще весной 2019 года поднявшийся до рекордного уровня благодаря тем надеждам, которые на него возлагались, согласно опросам Украинского центра экономических и политических исследований имени Разумкова, также заметно понизился. Всего 34% опрошенных (7%) полагают, что Украина сможет справиться с нынешними невзгодами в обозримом будущем, в то время как 10% (+4%) опасаются, что этого не произойдет никогда.

С учетом перспективы дальнейшего падения рейтинга Зеленскому не помешала бы поддержка Евросоюза, который среди украинского населения пользуется авторитетом. Долговая нагрузка на государство остается огромной. Киев по-прежнему нуждается в самой разной финансовой и технологической помощи. И если в Штатах проукраинских политиков можно встретить скорее в Конгрессе, чем в Белом доме, то в европейских столицах существует консенсус о необходимости поддержки Украины. С другой стороны, у Зеленского едва ли есть шанс сделать своим верным союзником непредсказуемого Дональда Трампа.

Дмитрий Стратиевский — немецкий политолог, профессор

РЕСУРСЫ

Больше, чем нефть и газ

Новая стратегия ЕС по Центральной Азии готовит почву для европейских инвестиций в регион.

О том, как Брюссель ищет в этом регионе новых партнеров, для «Д» рассказывает экономический обозреватель **Биргит Ветцель**.

Биргит Ветцель

Для многих европейцев Центральная Азия остается белым пятном на карте мира. Лишь постепенно оно наполняется красками. Туристическая телереклама показывает насыщенную синеву неба и светящиеся бирюзовые купола.

Зато для Евросоюза Центральная Азия успела стать хорошо знакомым и важным регионом, где Брюссель смог найти новых партнеров. Летом нынешнего года Евросоюз презентовал новую стратегию по Центральной Азии и теперь намерен расширять деятельность Европейской службы внешних связей. География представительства ЕС на Востоке простирается до Бишкека — столицы Кыргызстана, граничащего с Китаем.

В ноябре 2017 года Федерика Могерини принимала участие в особом мероприятии. Под темно-синим небом Самарканда главы центральноазиатских государств и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности собрались на сцене в резиденции узбекского президента. Послы, главы государств и министры съехались в столицу Узбекистана на конференцию ООН по вопросам безопасности и устойчивого развития в регионе. На их глазах складывается новое сообщество, включающее Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан.

С момента провозглашения независимости в начале 1990-х годов эти страны друг с другом соперничали, спорили о воде, природных ресур-

сах, границах. Потом случился украинский конфликт, отчетливо показавший: бывшие братские республики тоже могут быть агрессивны друг к другу. Не может ли такая ситуация повториться в Центральной Азии?

«Вместе мы сила», — гласит новое и вместе с тем старое знание. Меньше чем за 12 месяцев направляемые новым, вступившим в должность в декабре 2016 года президентом Узбекистана государства региона урегулировали многие накалившиеся годами конфликты и решили, что впредь нужно сотрудничать. Их договор о региональном сотрудничестве явился еще и подтверждением такого понимания.

Как следствие, для Евросоюза тоже началась новая эра. Брюссель оказывает новому сообществу консультативную поддержку. Многолетнее сотрудничество внутри ЕС в Центральной Азии считается образцовым.

То, что 20 лет назад удивляло, успело стать привычным. Верховный представитель Могерини нанесла не-

сколько визитов к центральноазиатским партнерам. Последний раз — в июле 2019 года по случаю региональной конференции в Бишкеке с участием министров иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Вместе они обсудили реализацию новой, второй по счету стратегии ЕС по Центральной Азии, официально опубликованной 15 мая.

Первая стратегия по Центральной Азии была принята Еврокомиссией еще в июне 2007 года — единогласно. Ее цель заключалась в содействии поставкам каспийских энергоносителей в Европу, а также в поддержке самостоятельности государств Кавказа и Центральной Азии

и трансформации на пути к демократии и рыночной экономике.

Первые конкретные шаги такой политики восходят к концу 1990-х годов. 18 ноября 1999 года президенты Турции (Сулейман Демирель), Грузии (Эдуард Шеварднадзе), Азербайджана (Гейдар Алиев), Казахстана (Нурсултан Назарбаев), Узбекистана (Ислам Каримов) и США (Билл Клинтон) подписали в Стамбуле на конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе меморандум о строительстве нефте- и газопроводов через Кавказ.

В силу широкой палитры геостратегических интересов определиться с маршрутом было непросто. Наконец 18 сентября 2002 года в Баку началось строительство трубопровода, а в 2006 году по нему на Запад пошла первая нефть.

Нефтепровод преодолевает горы высотой до 2830 м, пересекает 3 тыс. автомобильных и железных дорог, проходит по сейсмически опасным зонам, а также через восток Турции,

Воля к региональному сотрудничеству и открытие Узбекистана означают принципиально новые возможности

где курдское население может использовать его для давления на Анкару. Завершение строительства — это не только техническое достижение, но и подтверждение искусства политического и экономического расчета.

В 2007 году по второй трубе, проложенной по тому же маршруту — так называемому Южно-Кавказскому газопроводу, был пущен газ. На тот момент газопровод заканчивался в турецкой провинции Карс. Только после перерыва в несколько лет и решения непростых вопросов, связанных с финансами, маршрутами и участниками проекта, в ближайшем времени должно завершиться строительство участка до юга Италии. Его финансирование осуществляется

Федерика Могерини (в центре) во время мартовской встречи с руководителями министерств иностранных дел Средней Азии. Слева направо: Кайрат Абдрахманов (Казахстан), Эрлан Абиляев (Кыргызстан), Абдулазиз Камалов (Узбекистан), Сирожеддин Аслово (Таджикистан), Вера Хаджиева (Туркменистан)

уже не европейским консорциумом, а Азербайджаном и Турцией.

Строительство нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан преследовало ясную цель: поставки каспийской нефти на мировые рынки и вывод государств Центральной Азии из изоляции и зависимости от России в вопросе транзита энергоресурсов.

Первую стратегию ЕС по Центральной Азии от 2007 года можно считать успешной лишь с оговорками. Евросоюзу удалось расширить свои двусторонние контакты с центральноазиатскими государствами. Прежде всего между Казахстаном и Германией возникли новые связи, опирающиеся на мигрантов из числа российских немцев, которые в 1990-е годы возвращались в Германию. Однако реализованы планы регионального сотрудничества центральноазиатских государств и выстроить стабильную структуру двусторонней и региональной интеграции тогда не удалось.

Заработали нефте- и газопроводы через Кавказ. Но планы их продления в Центральную Азию через

Каспийское море потерпели крах. Россия, слабая в 1990-е годы, десятилетиями позднее вновь укрепила свои позиции и уже не была готова мириться с потерей доходов от сделок с центральноазиатскими ресурсами. Москва закупила газ и нефть в регионе, транспортировала их через территорию России и продавала Европе с солидной прибылью для себя. Однако война между Россией и Грузией в 2008 году показала, насколько уязвимы соответствующие трубопроводы.

Вместе с Ираном Россия годами блокировала запланированное западными государствами строительство трубопроводов по дну Каспийского моря. Это, в свою очередь, перечеркивало планы прокладки новых трубопроводов в Центральную Азию, в том числе ставило крест на проекте «Набукко», который должен был связать Азербайджан и богатый газом Туркменистан с Центральной Европой, тем самым освободив постсоветские государства от все еще сохраняющейся зависимости от поставок газа лишь одной Москвой и соответствующей инфраструктурой.

Только 12 августа 2018 года, после 27 лет переговоров, пять государств, имеющих выход к Каспийскому морю, подписали конвенцию о правовом статусе Каспия, означающую новые перспективы для Европы и Центральной Азии.

Воля к региональному сотрудничеству и открытие Узбекистана означают принципиально новые

возможности. После интенсивных консультаций с центральноазиатскими политиками ЕС объявил о принятии второй стратегии по Центральной Азии.

Новая стратегия ЕС подхватывает поставленные ранее цели и вместе с тем учитывает новые реалии. Ее предметом по-прежнему остаются поставки газа и нефти на европейский и мировой рынок, однако теперь Евросоюз переносит акцент в Центральной Азии на трансфер знаний и сферу образования, профилактику заболеваний, борьбу с преступностью, охрану границ, а также предлагает помощь в деле укрепления демократии и рыночной экономики.

ЕС надеется, что это способствует стабилизации в соседнем регионе, измученном коррупцией, торговлей людьми, наркотрафиком и религиозным терроризмом. Последний использует интернет и современные средства транспорта, чтобы проникнуть в Европу. Новые планы ЕС включают проекты в том числе в интересах Афганистана.

В рамках новой стратегии по Центральной Азии ЕС подготавливает почву для инвестиций из Европы. Экономика в регионе все еще пребывает в упадке. Но есть большая надежда, что теперь (западный) — Д бизнес захочет инвестировать в Центральную Азию. Чем слабее конъюнктура в ЕС, тем интереснее возможности в Центральной Азии. Востребовано практически все.

РЕГИОН

Ближний Восток: смена вахты

Дональд Трамп выводит американские войска из Сирии. Тем самым он освобождает роль регионального бжюстителя порядка для России и устраняет препятствие для восстановления Башаром Асадом контроля над всей территорией страны. О перспективах политической ситуации в Сирии для «Д» рассказывает главный редактор немецкоязычного выпуска журнала Amnesty Journal **Маркус Биккель**.

Маркус Биккель

Американский президент не мог сделать большего подарка к 67-летию Владимира Путина. «Для нас настало время выйти из этих смешных нескончаемых войн и позволить нашим военнослужащим вернуться домой», — написал Дональд Трамп 7 октября в своем микроблоге Twitter. Так он анонсировал вывод почти 1 тыс. оставшихся в Сирии военных. Теперь «Турция, Европа, Сирия, Ирану, Ираку, России и курдам самим придется думать, что делать дальше».

Они уже подумали — прежде всего это относится к Владимиру Путину и к сирийскому диктатору Башару Асаду: в середине октября, спустя всего неделю после объявления Трампа о выводе войск, вооруженные силы обоих союзников вошли в Манбидж — через считанные часы после того, как десятки американских солдат оставили свои посты в пограничном городе на северо-западе Сирии.

Этот исторический момент знаменует собой совершенно новый порядок на севере Сирии после восьми лет войны. Ведь с завершением пусть немногочисленного, но эффективного присутствия США на трети сирийской территории курдские «Отряды народной самообороны» (ОНС) лишились важнейшего зарубежного протектора. В условиях образовавшегося вакуума Россия рвется вперед.

Конечно, сирийско-российское наступление не стало исключительно реакцией на решение Трампа об уходе из Сирии. Оно последовало за вторжением турецких войск, которые по приказу президента Реджепа Тайипа Эрдогана 9 октября в рамках операции «Источник мира» вошли в 480-километровый коридор между Евфратом и иракской границей. В третий раз за три года и меньше чем через 48 часов после решения Вашингтона о спешном выводе войск без соответствующей необходимости.

Американцы ушли из Сирии. Вопрос, радостная ли это весть для России, остается открытым

Российская дипломатия воспользовалась узким временным окном, чтобы позиционировать себя в роли посредника между руководством курдских «Отрядов народной самообороны» (ОНС) и режимом в Дамаске. Кремль также дал понять Эрдогану, что Москва считает «неприемлемым» постоянное присутствие турецких военных на сирийской земле, что и было закреплено на встрече в Сочи.

Новую роль России в качестве, возможно, важнейшего бжюстителя порядка на Ближнем Востоке Путин подчеркнул во время своей поездки в Абу-Даби и Эр-Рияд: впервые за 12 лет он посетил саудовское королевство,

которое после начала восстания против Асада в 2011 году еще поддерживало сирийских ополченцев от оппозиции, но сегодня придерживается российской линии и смирилось с победой диктатора.

То, что возвращение сирийской армии на, возможно, безвозвратно утраченные территории четыре года спустя стало реальностью, дополнительно увеличивает вес Путина в Дамаске, пусть даже рост политического и военного влияния обусловлен не только умением Кремля вести переговоры, но и стратегическими просчетами США или других держав. «Нужно сказать, что важнейшие российские успехи в Сирии не являются результатом осознанных усилий Москвы», — считает эксперт по Ближнему Востоку из Российской академии Александр Шумилин. — Они просто свалились на Путина и на Москву как манна небесная из-за странного поведения западных государств и Турции».

В таком свете решение Трампа предоставить сирийским ополченцам-курдам самим сражаться с турецкой армией стоит в одном ряду с решением его предшественника Барака Обамы. В августе 2013 года, невзирая на ранее проведенную «красную линию» — использование химического оружия, он не стал наносить воздушные удары по позициям сирийского режима. Позднее отступление с Ближнего Востока, на-

чало которому было положено президентско-демократом в Белом доме из-за его колебаний в связи с сирийским конфликтом, завершилось «ударом в литавры» — готовность Трампа оставить на произвол судьбы своих многолетних союзников, «Отряды народной самообороны», в борьбе с террористической организацией «Исламское государство». При этом важнейшим геополитическим игроком, которому такая тенденция на руку, оказывается Россия.

В самом Вашингтоне данная тенденция считается отнюдь не бесспорной — это показали ожесточенные протесты конгрессменов и сенаторов от Республиканской партии против решения Трампа. Еще в декабре 2018 года после первого заявления президента США о намерении вывести войска из Сирии в отставку ушли министр обороны Джим Мэттис и спецпредставитель США по борьбе с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) Бретт Макгерк. Джон Болтон, в сентябре освобожденный Трампом от обязанностей советника по национальной безопасности, тоже последовательно настаивал на сохранении присутствия США в треугольнике между Турцией, Сирией и Ираком.

Вероятно, это вполне отвечало интересам России. Москва не возражала против операции с участием сначала 2 тыс., а под конец только 1 тыс. спецназовцев США еще и потому, что обе крупные державы преследовали в борьбе против ИГ одни цели, вопреки настоятельным призывам Эрдогана к «нейтрализации угрозы со стороны террористов из числа РПК и «Отрядов народной самообороны»». Но теперь, когда битва против «халифата ИГ», как представляется Трампу, закончилась, в начале октября он отказал курдам в дальнейшей поддержке и тем самым де-факто дал Турции зеленый свет на третье военное вмешательство за три года, хотя прежде ввел и отменил против нее санкции.

Еще в 2016 году в ходе операции «Щит Евфрата» Эрдоган занял территории к западу от этой реки, а в начале 2018 года (операция «Оливковая ветвь») среди прочего — окрестности города Афин с преобладающим курдского населения. Многие из почти 200 тыс. беженцев, покинувших районы боевых действий, до сих пор не могут вернуться в свои дома и квартиры, поскольку территории остаются под контр-

олем связанных с Анкарой сирийско-арабских ополченцев. Не исключено, что такая ситуация повторится и на более восточных территориях, на которые нацелена операция «Источник мира».

Цель Эрдогана заключается в создании зоны безопасности в коридоре длиной 480 км и шириной 30 км, где среди прочего предлагается разместить 2 млн беженцев из Турции; расходы на крупномасштабное перемещение населения Анкара оценивает в \$26,5 млрд.

Однако установление турецкого протектората на сирийской территории едва ли увенчается успехом, что не в последнюю очередь обусловлено противодействием России. Еще на переговорах с Эрдоганом в середине октября Путин дал понять, что предотвращение столкновений между турецкой и сирийской армиями остается приоритетной целью сирийской политики Москвы, а при длительной оккупации силами Анкары их не избежать.

К тому же европейским государствам не следует идти на финансирование сопряженных с «этническими чистками» новых поселений сирийских беженцев. Спикер фракции «Зеленых» в Бундестаге по вопросам внешней политики Оmid Нурипур напоминает газете «Петербургский диалог», что Россия по-прежнему играет далеко не конструктивную роль в связи с политическими переговорами о прекращении войны в Сирии. А российские военные самолеты по-прежнему наносят удары по позициям оппозиционных ополченцев в провинции Идлиб на северо-западе страны. «Мир не наступит без процесса примирения, а последнему препятствует проводимая Россией политика», — убежден Нурипур.

Штефан Либих, спикер фракции «Левых» в Бундестаге по вопросам внешней политики, тоже выражает сомнения, что Россия воспользуется своей ролью посредника на Ближнем Востоке для урегулирования конфликта, который начался в 2011 году с протестов против Асада. Если бы Кремль все-таки намеревался это сделать, Москве следовало бы остановить продажу ЗРК С-400 Анкаре аналогично тому, как некоторые европейские государства заморозили поставки вооружений Турции. Ведь «было бы абсурдом вооружать тех, кого собираешься останавливать военными средствами», — полагает он.

ИНВЕСТИЦИИ

Всерьез и надолго

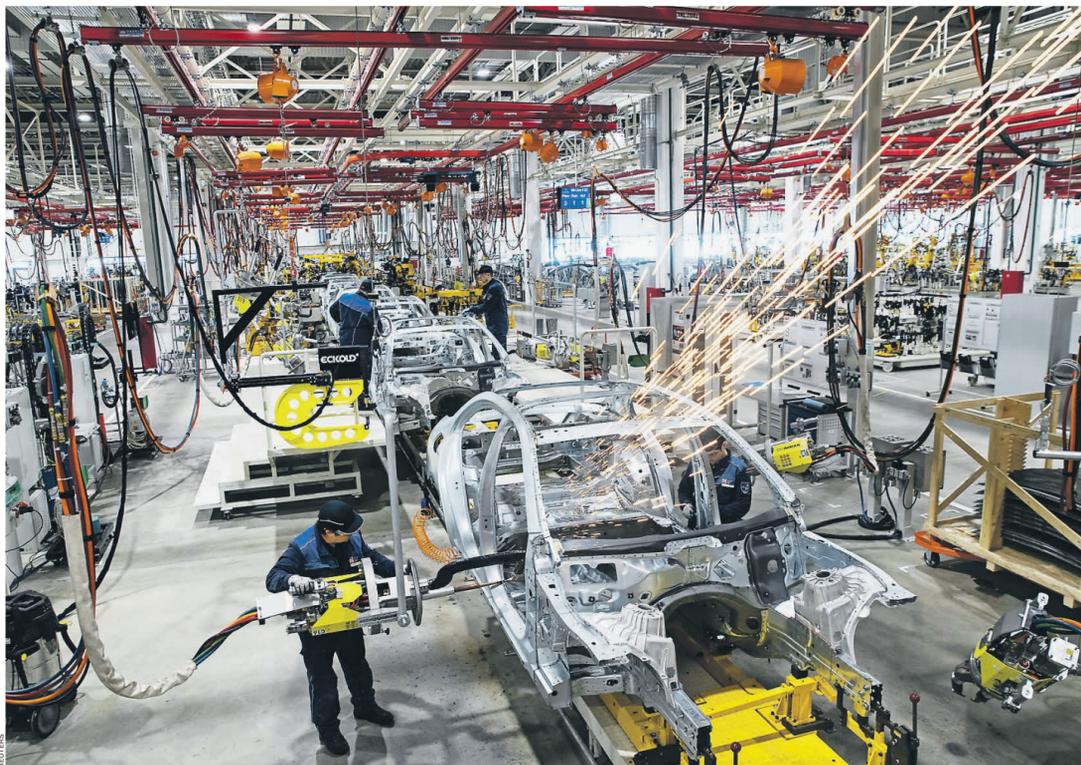
Вступил в силу недавно подписанный президентом РФ закон «О внесении изменений в федеральный закон „О промышленной политике в РФ“ в части регулирования специальных инвестиционных контрактов». О том, что он дает и как будет работать, — заместитель директора Института Европы РАН **Владислав Белов**.

Владислав Белов

Немецкие компании стали первыми, с которыми Министерство промышленности и торговли РФ в рамках новой отечественной промышленной политики в 2016 году заключило пилотные специальные инвестиционные контракты (СПИК). Речь шла о капиталовложениях в местное производство машин и оборудования примерно от €10 млн и постепенном повышении его локализации на льготных условиях, предоставляемых на федеральном и региональном уровнях. Во многом благодаря опыту, полученному в 2015–2018 годах в рамках подготовки и реализации этих проектов-маяков, к середине 2019 года был подготовлен законопроект, предусматривающий изменения в подходах государства к инвестконтрактам. Он получил неофициальное название СПИК 2.0. В течение почти четырех лет государственные структуры в кооперации с немецким бизнесом уточняли механизмы СПИК, его инструментарий, особенности ведения переговоров с инвесторами, обсуждения и утверждения заявок. Полученные результаты были учтены при подготовке законодателями предложений для следующего поколения соглашений.

Появившийся недавно закон об изменениях в регулировании спецконтрактов прежде всего уточняет сам предмет договоренностей: центр тяжести переносится с инвестиционной составляющей на внедрение и/или разработку современных технологий (перечень утверждается правительством РФ). Публичной стороной контракта те-

Недавно открывшая производство в России (на фото) компания Dimler — одна из тех, кому выгоден новый закон о спецконтрактах

кнуться только по результатам открытым или закрытым конкурсов. Определен лимит государственной поддержки. Вводится реестр таких контрактов, а также устанавливается «дедушкина оговорка», то есть гарантируется стабильность условий ведения хозяй-

ект по грузовикам), BMW (через «Автотор»), один — в станкостроении (DMG-Mori), 2 — в машиностроении (Claas — производство сельскохозяйственной техники, Wilo — выпуск насосного оборудования).

Негативным фактором ранее заключенных СПИК был их закрытый характер: содержание контрактов участники не раскрывали. В отличие от соглашений по промышленной сборке, где условия для всех были примерно одинаковые, эти контракты непрозрачны, и другим компаниям оставалось только догадываться о достигнутых условиях. Причина — особые договоренности для каждого из инвесторов, что вызывало естественное недовольство и раздражение участников рынка, не имеющих возможности добиться индивидуальных предпочтений. По всей видимости, это будет присуще и для новых контрактов.

Охотно участвуя в этих поддержанных государством контрактах, предприниматели из Германии тем не менее считают такой механизм противоречащим их представлению о порядках в либеральном хозяйстве и одной из его основ — политике поддержки конкуренции. Немецкое государство в лице федерального Министерства экономики и

энергетики поддерживает их точку зрения. Одновременно обращает на себя внимание последовательная лоббистская работа не только германского бизнес-сообщества, но и отдельных немецких игроков на высшем федеральном уровне, среди которых можно выделить компании Claas, Wilo, Daimler, Volkswagen. У каждого из них свои индивидуальные подходы к этому вопросу, обеспечивающие близость к федеральной власти. Это во многом обусловило эффективность в переговорах и заключение СПИК. Наибольших успехов добился Daimler, получивший от Москвы особые предпочтения при относительно небольших для него затратах на создание собственного сборочного производства без технологических излишеств. Именно Daimler стал единственным участником рынка государственных закупок среди немецких компаний, производящих легковые авто.

Российское государство в 2015–2019 годах особое внимание уделяло производителям легковых и грузовых автомобилей: они получили наибольшую прямую господдержку по сравнению с другими отечественными отраслями. Основным требованием к иностранным инвесторам был переход к

полному производственному циклу и локализации, включая весьма сложный с точки зрения экономической эффективности/окупаемости перенос в Россию производства ключевых узлов: двигателей и коробок передач. Кстати, именно в этой сфере благодаря спецконтрактам существенно выросла конкуренция.

В контрактах первого поколения приоритетом были инвестиции в создание производственных процессов и их локализация. Немецкие инвесторы перенесли в Россию уже апробированные традиционные продукты и технологии, но вполне востребованные российским рынком. Они содействуют модернизации отечественной промышленности, однако не приводят к прорывным изменениям, без которых невозможно обеспечить дотягивающий вариант развития промышленного сектора России. Поэтому второе поколение спецконтрактов ориентировано на мотивацию стратегических инвесторов к внедрению на их российских предприятиях новейших технологических разработок и процессов.

Перспективу присутствия немецких компаний в СПИК 2.0 оценить пока сложно. Высока вероятность участия Volkswagen и компании ZF Friedrichshafen AG в контрактах по производству автокомпонентов. Минпромторг летом начал с ними переговоры, в том числе в отношении федеральных и региональных налоговых льгот, возможности формирования индивидуального графика локализации технологических операций, вопросов по компенсации части ввозных пошлин на субкомпоненты и субсидированию части транспортных расходов при экспорте готовой продукции.

Хорошие перспективы, несмотря на существующие проблемы с партнером по совместному предприятию компаний «Силовые машины», есть у Siemens в тяжелом машиностроении (производство газовых турбин большой мощности).

Шансы на доступ к новым СПИК могут быть только у тех инвесторов из Германии, кто заинтересован выйти на российский рынок с современными и ориентированными на будущее технологиями в обмен на среднесрочные государственные гарантии и поддержку. На сегодняшний день большей очереди на контракты нового поколения и желания внедрять в России передовые технологии среди немецких партнеров не наблюдается.

В такой ситуации в рамках «Петербургского диалога» имеет смысл активизировать обсуждение будущего промышленной политики РФ и ФРГ в условиях глобализации, цифровой трансформации и существующих интеграционных процессов в ЕАЭС и ЕС, в том числе в контексте возможностей и разумных пределов государственного регулирования в этой сфере. И у ФРГ, и у РФ здесь накоплен интересный опыт, который может оказаться полезным для обеих сторон.

Сейчас из 45 заключенных Минпромторгом спецконтрактов 7 приходится на контракты с участием компаний из Германии

перь должен быть не только субъект РФ, но и муниципальное образование. Определены новые сроки заключения контрактов — не более чем 15 лет для реализации проектов, объем инвестиций по которым не превышает 50 млрд руб., или не более чем 20 лет для реализации проектов, объем инвестиций по которым превышает 50 млрд руб. (в обоих случаях без учета НДС). Контракты могут за-

ключаться только по результатам открытым или закрытым конкурсов. Определен лимит государственной поддержки. Вводится реестр таких контрактов, а также устанавливается «дедушкина оговорка», то есть гарантируется стабильность условий ведения хозяй-

ственной деятельности для инвестора в течение срока действия контракта. Прежние СПИК, что важно, сохраняют свое действие. Сейчас из 45 заключенных Минпромторгом спецконтрактов 7 приходится на контракты с участием компаний из Германии: 4 проекта осуществляются в автопроме (Volkswagen, Daimler (собственный завод легковых авто и совместный с КамАЗом про-

ИННОВАЦИИ

Шаг от науки к бизнесу

Его помогает сделать ученым многих стран мира научно-исследовательский инкубатор «Колаборатор» немецкого фармацевтического гиганта Bayer. Корреспондент «Д» **Мария Котова** — о том, как поддержку германского бизнеса получил российский проект по созданию уникальной технологии противораковой терапии, разрабатываемый новосибирскими учеными Андреем Горчаковым и Сергеем Кулемзиным.

Мария Котова

Рак — одна из основных причин смерти в мире. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в 2018 году от этого заболевания умерли 9,6 млн человек. Оно возникает в результате преобразования нормальных клеток в опухолевые, когда предраковое поражение переходит в злокачественную опухоль. Изменения происходят на генетическом уровне, а также при воздействии внешних факторов, таких как физические и химические канцерогены (например, ультрафиолетовое излучение или табачный дым), а также в результате инфекций, вызываемых некоторыми вирусами, бактериями или паразитами.

Одно из главных условий успешной борьбы с раком — его раннее выявление. На разработку соответствующих подходов направлены огромные ресурсы научного сообщества. Лечение же рака зачастую включает в себя опасные методы, такие как химиотерапия. Ее последствия для организма обычно довольно серьезны. Однако сейчас разрабатываются новые способы, призванные минимизировать побочные эффекты лечения и помочь большему числу пациентов.

К одним из таких новых методов относится проект новосибирских ученых Андрея Горчакова и Сергея Кулемзина «CAR-NK клетки как платформа для универсальной противораковой терапии». Он ориентирован на развитие одного из наиболее перспективных вариантов иммунотерапии — клеточной терапии с применением химерных антигенных рецепторов (CAR). Эта технология предусматривает забор у пациен-

Стажировка под крышей Bayer подтолкнула ученых Андрея Горчакова и Сергея Кулемзина (на фото) к новым идеям — коммерческим

тов иммунных клеток с последующей доставкой в них кодирующих CAR элементов (против конкретного вида рака), размножением этих клеток и введением обратно пациентам. Разработанные новосибирскими учеными «усиленные» CAR-NK клетки могут не только сами уничтожать опухоли, но и подключать к этому процессу окружающие макрофаги: клетки, способные к активному захвату и перевариванию чужеродных или токсичных для организма частиц. При этом клетки-спасители являются универсальными — их можно использовать для множества людей. С помощью биореактора достаточно однократно произве-

сти такие клетки против конкретного типа рака, расфасовать и заморозить, после чего их можно вводить пациентам.

Создатели проекта — кандидаты биологических наук и старшие научные сотрудники лаборатории иммуногенетики Института молекулярной и клеточной биологии СО РАН Андрей Горчаков и Сергей Кулемзин. До разработки своего проекта они занимались фундаментальной наукой. Решение занять-

сти такие клетки против конкретного типа рака, расфасовать и заморозить, после чего их можно вводить пациентам.

Создатели проекта — кандидаты биологических наук и старшие научные сотрудники лаборатории иммуногенетики Института молекулярной и клеточной биологии СО РАН Андрей Горчаков и Сергей Кулемзин. До разработки своего проекта они занимались фундаментальной наукой. Решение занять-

ся иммунотерапией, по словам господина Горчакова, было принято в 2012 году, когда эта тема стала актуальной. На реализацию проекта от Российского научного фонда был выделен грант в размере 18 млн руб. В 2017 году ученые презентовали свой проект в новосибирском технопарке на семинаре, организованном немецким концерном Bayer. Там они узнали, что немецкий концерн создал в России инновационный научно-исследовательский инкубатор «Колаборатор».

Он стал третьим подобным проектом компании в мире после американского, запущенного в 2012 году, и немецкого, заработавшего в 2014 году. Цель инкубатора — поддержать молодых предпринимателей, развивать инновации и обмен передовыми знаниями.

По словам Андрея Горчакова, они с Сергеем Кулемзиным тогда еще не очень хорошо понимали, какие свойства должны быть у готового продукта. Поскольку аналогичных проектов в России не было, получить соответствующую экспертизу было нелегко. Поэтому ученые решили не упускать возможность и подали документы на участие в конкурсе «Колаборатора». «В отличие от большинства российских фондов, где необходимо предоставить большое количество документов, для Bayer требовалось лишь заполнить небольшую анкету, на что не ушло много времени», — подчеркивает господин Горчаков.

По его словам, изначально концерн дал им с господином Кулемзиным предварительные советы общего характера, после чего согласился провести для ученых семинар в Берлине. Он проходил при участии десяти профессоров клинического ком-

плекса «Шаритц» — крупнейшего госпиталя в Европе, который является университетской клиникой для Берлинского университета имени Гумбольдта и Свободного университета Берлина.

«В ходе семинара серьезных изъянов в проекте не обнаружили», — рассказывает Андрей Горчаков. Профессора дали ученым рекомендации в области клинических исследований. После этого в «Шаритц» предложили российским ученым совместную работу по завершению доклинических испытаний. Андрей Горчаков признается, что у него и Сергея Кулемзина нет компетенции в том, как сделать из своего проекта готовый фармацевтический продукт. При этом он, конечно, не исключает, что впоследствии проектом могут заинтересоваться и другие мировые, в том числе российские, фармкомпании.

Участники «Колаборатора» Bayer могут стать проектами со всей России, образованные студентами, аспирантами, преподавателями и научными сотрудниками ведущих университетов страны, научных учреждений, а также высокотехнологические стартапы, занимающиеся разработкой в области фармацевтики. По словам медицинского директора АО «Байер» и руководителя медицинского кластера стран СНГ Дмитрия Власова, ведущие эксперты компании консультируют и поддерживают проекты, прошедшие конкурсный отбор. «Речь идет о подготовке к выводу проектов в коммерческий оборот», — поясняет господин Власов. По его словам, зачастую академическим исследователям не хватает бизнес-практики и «Колаборатор» приобщает их к международному опыту развития и коммерциализации разработок.

Финальная цель проекта «CAR-NK клетки как платформа для универсальной противораковой терапии» Андрея Горчакова и Сергея Кулемзина — разработка концепции применения «усиленных» CAR-NK клеток, которая в будущем сможет применяться для лечения более широкого спектра заболеваний, в том числе неонкологических.

Зачастую академическим исследователям не хватает бизнес-практики, и «Колаборатор» приобщает их к международному опыту развития и коммерциализации разработок

БИОГРАФИЯ

Весточка из эмиграции

Автобиографический труд Эдварда Сноудена, недавно опубликованный, призван напомнить Западу об авторе, который больше шести лет назад оказался в Москве, и о его просьбах об убежище в ЕС. Статус беженца, предоставленный Сноудену в России, истекает в 2020 году. Специально для «Д» **Франк Хофманн**, корреспондент Deutsche Welle в Берлине, предсказывает будущее политического беглеца.

Франк Хофманн

Огромная бронзовая черепашка в фойе столовой Университета Мэриленда приветливо смотрит на каждого входящего в здание Студенческого союза им. Адель Х. Стэмп. Вероятно, и Эдвард Сноуден не раз проходил мимо этой рептилии, направляясь в столовую. В студенческом городке к северу от столичного Вашингтона в 2000-е годы он получил свою первую работу технического специалиста в индустрии спецслужб.

«Официально я был служащим штата Мэриленд и работал в Колледж-Парке университета — так Сноуден в автобиографии описывает начало своей карьеры в „сообществе спецслужб“, на которое он трудился то в статусе госслужащего, то в штате частных компаний, таких как производитель компьютеров Dell. — Университет помог Агентству национальной безопасности (АНБ) создать структуру, получившую название Центр комплексного анализа устной речи (Center for the Advanced Study of Language — CASL)». Цель деятельности такого СП спецслужб и университета заключалась в следующем: «АНБ хотело разработать среди прочего методы, позволяющие улучшить распознавание речи компьютерами» — для автоматизированного анализа прослушанных разговоров на любых языках.

В книге «Личное дело» (Permanent Record) Сноуден не раз вспоминает начало своей профессиональной карьеры в Колледж-Парке, желая показать, как стремительно прогрессирующая цифровизация приводила ко все более интенсивному сотрудничеству между частным бизнесом и госструктурами. Когда Сноуден устроился на свою первую работу в начале 2000-х, здание CASL на территории университетского городка еще наполнено пустовало.

В ландшафте штата Мэриленд между Вашингтоном и Балтимором, расположенным в часе езды на автомобиле к северу от столицы, преобладают частные дома. Здесь живут представители американского среднего класса, работающие на государство. Здесь же, в Форт-Миде, находится и штаб-квартира АНБ.

Отец Сноудена служил в береговой охране США. Атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон в 2001 году вызвали шок, пишет Сноуден, который рос в 1990-е годы уже с персональным компьютером и модемом. Он загорелся желанием служить своей стране.

Попытка армейской карьеры не удалась по причине здоровья. Решение погрузиться в мир спецслужб для юного компьютерщика в такой среде, как Вашингтон и Балтимор, нельзя назвать неожиданным.

После атаки на Всемирный торговый центр интеграция между «сообществом спецслужб и технологическими компаниями» стремительно углублялась, пишет Сноуден. Спецслужбам ставили в вину, что информация о террористах имела в распоряжении ряда контор, таких как АНБ, ЦРУ и ФБР, однако фрагменты информационного паззла не сопоставлялись друг с другом: «Обе службы представляют собой связанные клыками сообщества, не избранные силы, которые гордятся тем, что все расследования ведутся при абсолютном соблюдении

Книгу Сноудена вполне можно понимать как продолжение его ходатайств о предоставлении убежища в странах Евросоюза

тайны. Обе службы верят, что у них есть решения для всего, и без колебания, в одностороннем порядке навязывают эти решения остальным».

По мнению Сноудена, цифровизация порождает в западных демократических государствах антидемократические силы. Тем большим анахронизмом кажется то обстоятельство, что Сноуден получил убежище не где-то, а в Москве, учитывая, что именно «борьба между авторитарными и либерально-демократическими силами», а не «какая-нибудь искусственная, отягощенная пред-

На дискуссии с писателем Сноуденом, которую вел в Берлине журналист Холдер Старк (на фото), кресло автора пустовало, но не пустовал экран

рассудками идея раскола между Востоком и Западом или возвращенной к жизни крестовой войны между христианством и исламом», представляется ему «важнейшим идеологическим конфликтом нашего времени».

Итак, свобода — стало быть, книгу Сноудена вполне можно понимать как продолжение его ходатайств о предоставлении убежища в странах Евросоюза. К тому же по случаю выхода книги Сноуден дал многочисленные интервью европейским СМИ, которые лишь усиливают такое впечатление.

Еще в 2014 году защитники Сноудена в ЕС пытались организовать его приезд в Германию на основании приглашения парламентского комитета Бундестага по расследованию скандала с прослушкой (мобильного телефона Меркель. — Д) со стороны АНБ, чтобы затем Сноуден смог обратиться с ходатайством о предоставлении убежища в обычном порядке. Но план не удался.

А что сегодня, пять лет спустя? Обращаемся к одному из депутатов Бундестага, который был знаком с темой, и сразу получаем ответ: он это комментировать не готов.

Политики по-прежнему боятся обжечься об историю Сноудена. Исключение составляют «Зеленые», которые еще во время работы упомянутого комитета добились приезда Сноудена, чтобы помочь ему вернуться из политической эмиграции в Россию.

Карьерный путь Сноудена пролегал в том числе через Швейцарию, где в Женеве он изучал французский язык. Жизнь в Западной Европе кажется более привлекательной перспективой, чем в московской эмиграции. Тем более что Сноуден уже несколько лет в режиме видеоконференции выступает с докладами перед западными правозащитными организациями.

СУДЬБА

Космополит поневоле

В своей повести «Жизнь Елены Зильбер» Александр Осанг пересказал российско-германскую семейную драму. О книге — **Лутц Лихтенбергер**.

Лутц Лихтенбергер

Он живет в Берлине и объездил весь мир, был в Нью-Йорке, Лондоне, Иерусалиме, написал множество репортажей для журнала Der Spiegel, трижды удостоился премии Эгона Эрвина — его «болтливый», но точно передающий наблюдения авторский стиль сегодня изучают в школах журналистики. Александр Осанг — «звездный репортер» со всеми клише, присущими этому титулу.

Романы Осанга, включая историю одного восточногерманского диктора, который после воссоединения Германии удивлен, какими скучными и поверхностными могут быть его новые, западные коллеги, написаны в таком же порхающем стиле. Факты и вымысел в художественной литературе всегда сочетаются лучше, чем в репортажах. «Не верь историям, которые тебе будут рассказывать», — предупреждает один из братьев главной героини Елены в новом романе Осанга.

«Жизнь Елены Зильбер» — не только самый объемный (более 600 страниц), но и самый претенциозный его роман, который почти сразу попал в лонг-лист Немецкой литературной премии. Он рассказывает нам историю пожилой русской женщины и глобальную историю XX века. Но масштабная российско-германская историческая панорама в изложении Осанга начинается с «экскурса» в настоящее.

Александр Осанг — «звездный репортер» со всеми клише, присущими этому титулу, рассказал нам историю пожилой русской женщины и глобальную историю XX века

Кинематографист Константин Штайн, в котором угадывается alter ego Александра Осанга, пребывает в поисках смысла жизни. Штайн, мужчина сорока с небольшим лет,

живет в Берлине. 12-летний сын растет с матерью. Карьера пробуксовывает. В голову лезут разные мысли. Штайн отправляется к психотерапевту в надежде найти самого себя.

В Берлине Сноудена представляет Европейский центр конституционных прав и прав человека (ECCHR), который как бы держит такие дела на медленном огне: ECCHR пытается пользоваться юридическими средствами, но при этом всегда действует и в политическом поле. Как известно, здесь все упирается в потенциал влияния и в численное соотношение сил, которое со временем меняется.

Этим летом место в Европарламенте нового созыва получила депутат от «Зеленых» немка Виола фон Крамон-Таубадель. Эксперта по Восточной Европе трудно заподозрить в больших симпатиях к Кремлю — напротив, ее считают сторонницей твердого подхода к Москве в связи с украинским конфликтом. Но хотя многие критики России подозрительно относятся к московскому убежищу Сноудена, недавно избранная фон Крамон-Таубадель поддерживает стремление Сноудена к убежищу в Евросоюзе.

После «марафона интервью» Эдварда Сноудена в связи с выходом его книги она отвечает на наш запрос, что нельзя «ставить ему в вину время в статусе беженца в Москве». И далее: «Вошло ли это и насколько это входило в намерения Москвы с самого начала, судить трудно»; «Мы, „Зеленые“, с самого начала призывали в Европарламенте предоставить Сноудену статус беженца в ЕС, в частности, чтобы тем самым послать гуманитарный сигнал США и России». Защита разработчицей представляется фон Крамон-Таубадель очень важной задачей, и потому она радуется «более активной роли ЕС».

Предоставление убежища относится к компетенции государств-членов, а не Брюсселя, «но я не понимаю, что может препятствовать подаче Эдвардом Сноуденом ходатайства об убежище в Германии», отмечает фон Крамон-Таубадель, которая также упоминает о продолжающейся дискуссии во Франции.

В одном интервью французской радиостанции France Inter в связи с началом про-

даж его книги в стране Сноуден обратился непосредственно к президенту Французской Республики, тем самым подкрепив свое ходатайство об убежище, поданное еще в 2013 году предшественнику Эммануэлю Макрону Франсуа Олланду. «Я на самом деле буду очень рад, если месье Макрон предоставит мне право на убежище», — сказал Сноуден в эксклюзивном интервью France Inter 16 сентября, за день до выхода автобиографии в печать.

Франция симпатизирует сопротивлению и его героям. К тому же кривая политического возбуждения в Париже отличается стойкостью, тем более когда речь идет о битве Давида против Голиафа. Резонаторами служат различные ток-шоу, в рамках которых популярный деятель искусства может больше часа отвечать на вопросы модератора. Так, в начале октября предоставить убежище Сноудену в интервью радиостанции France-Info призвал автор и музыкант Жан-Мишель Жарр. «Ведь он не покушался на интересы своей страны, а защищал их», — убежден Жарр. Свою оценку он подкрепил отсылкой к нравственному авторитету: «Эдвард Сноуден напоминает мне мою мать».

Дело в том, что матерью Жарра была Франс Пейо, участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Сноуден повторяет ее слова, отметил Жарр: «Идея в том, что, когда государство или его правительство начинает реализовывать идеи, направленные против общества, от нас требуется реакция некой критической массы граждан»...

Бронзовая черепашка в фойе Студенческого союза в Колледж-Парке Университета Мэриленда все так же улыбаются каждому, кто идет мимо столовой, а студенты и сотрудники все так же жуют сэндвичи в окружении зелени. Но за пределами Колледж-Парка кое-что изменилось. Прежде всего изменилось то, какими глазами в Европе смотрят на США.

В начале романа мы узнаем, что он только что вернулся в Берлин из поездки на Черное море. Там он буквально преследовал сербского теннисиста Богдана, который, как Новак Джокович, в детстве был вынужден бежать из Белграда. Однако Джокович стал суперзвездой, победителем 16 турниров Большого шлема и первым номером в мировом рейтинге теннисистов, Богдан же остался вечно подающим надежды и занимал 250-ю строчку мирового юниорского рейтинга. Но Богдан не унывает. На средства от теннисной стипендии он учится на литературоведа в колледже в Штатах, пишет два романа, которые не публикуются, женится на библиотекарше, еврейке из Одессы, и переезжает в Берлин, где дает уроки тенниса российским олигархам.

Константин видит в Богдане беженца, «космополита поневоле», в личной истории которого отражается история нашего времени. Впрочем, ему никак не удается разглядеть глубинный смысл этой истории и понять, что она должна значить. Наконец, на помощь приходит мать Константина: «Пожалуй, я дам тебе тему, которая касается тебя больше, чем жизнь какого-то хорватского теннисиста». Семейная тайна, что очевидно, принадлежит не только ей, появившемуся на свет через 70 лет после своей бабушки.

В основу сюжета «Жизни Елены Зильбер» Осанг положил историю своих предков по материнской линии. Почти в каждой главе рассказчик переносится из прошлого в настоящее, которое по ходу романа медленно, но неуклонно сближается.

Елена Краснова родилась в 1902 году в 400 километрах от Москвы, на берегу Оки. Вся ее жизнь была одним сплошным бегством. Сначала ей пришлось спастись от царских солдат, расправившихся с отцом-коммунистом. Об этом читатель узнает в незабываемом первом предложении романа: «Краснова бросила в печь последние остав-

шиеся поленья в тот самый момент, когда на одной из улиц города грудь ее отца пронзил деревянный шест».

Позднее Елене приходится бежать от жестокого отчима. Спасение приходит в лице немецкого инженера-текстильщика и будущего супруга Роберта Зильбера, приехавшего в Россию по приглашению Ленина, чтобы участвовать в индустриализации.

У Роберта есть своя темная история, о которой долгое время не знает никто. Молодая семья переезжает сначала в Москву, потом из Ленинграда в Берлин и наконец оказывается в городке Зоруа в Нижней Силезии — там у родителей Роберта текстильная фабрика. Роль домашней работницы в семье с пятью детьми выполняют узники концлагеря Кристианштадт. Мало-помалу участие Зильберов в преступлениях национал-социализма становится явным.

В феврале 1945 года в Зоруа входит советская армия, Роберт забирает все семейные драгоценности и бежит в Берлин. Елене нужно решать: вернуться с дочерьми назад, на родину, в Россию — или же следовать «сценарию», который выдумала она сама, чтобы вселить надежду в дочерей, и отправиться «след за мужем» в Берлин? Она уезжает на Запад и ставит на прошлом крест. Местонахождение и темные истории ее супруга более не должны занимать ни ее, ни детей. Однако 70 лет спустя ее внук Константин Штайн отправляется на Восток, чтобы по крупицам восстановить это прошлое.

Критик Мартин Хальтер на страницах Frankfurter Allgemeine Zeitung метко подытожил свой анализ произведения: Осанг написал «свой большой роман о России для поколения Netflix». Он то и дело скачет между прошлым и настоящим, щедро цитируя из истории кинематографа и литературы. Пожалуй, «Жизнь Елены Зильбер» как нельзя лучше подходит, чтобы ее прочесть запоем — вполне в духе времени.

«Горбачев был уклончив»

Какова была линия поведения Михаила Горбачева в вопросе объединения Германии, как немцы восприняли секретное послание секретаря ЦК Валентина Фалина, как решался вопрос вывода из ГДР советских войск — обо всем этом разговор главного редактора «Д» **Виктора Лошака** с чрезвычайным и полномочным послом **Владиславом Тереховым**.

Владислав Терехов

— Сразу скажу, что я приехал послом в ФРГ в начале 1990-го. Это была моя третья командировка в Германию, и я, естественно, очень внимательно следил за тем, что там происходит.

— Давайте начнем с загадочно-го письма секретаря ЦК и, безусловно, крупнейшего знатока Германии, в прошлом посла в этой стране Валентина Фалина канцлеру Гельмуту Колю. Передано оно было, как пишут, через Николая Португалова. Ради

чего Валентин Михайлович так отчаянно нарушил субординацию, не поставив в известность ни Горбачева, ни министра иностранных дел Шеварднадзе?

— К этому моменту перспектива объединения Германии не отрицалась в принципе. Но Горбачев говорил об этом туманно, называя дистанцию в 50 или даже 100 лет... Собственно, Горбачев не был первым: тема объединения никогда не умирала, наверное, с самого окончания войны. Не многие вспоминают, что с письмом о германском единстве было приложение к договору между Брежневым и Брандтом, подписанному еще в 1970 году. За двадцатилетие до крушения стены это письмо предполагало такое развитие мира в будущем, которое позволит немецкому народу обрести общность. Без этого документа договор просто не был бы ратифицирован парламентом ФРГ. Хотя, с другой стороны, в 1975 году в Хельсинки были признаны все существовавшие на тот момент границы.

Что касается письма Фалина, это была в известной мере роковая ошибка. Его целью, как кажется, было удерживать немецкую сторону от форсирования событий, рассмотрение идеи будущей немецкой конфедерации. Он думал, видимо, что предупреждает Коля об осторожности, об учете мнения СССР. К сожалению, руководством ФРГ это послание было прочтено по-иному. Советник Коля по международным вопросам Хорст Тельчик принес этот документ Колю со словами: «Русские уже думают о воссоединении Германии!» Канцлер воспринял написанное Фалиным как сигнал из Москвы, расширил и активизировал свои предложения по этому вопросу... Да, это было очень неосторожный шаг. Сами того не желая, дали понять, что раздумываем о процессе объединения.

— А на самом деле? Ближайший помощник Михаила Сергеевича Анатолий Черняев писал, что именно в это время генсек был настолько занят проблемами собственной страны, что на международные вопросы выделял максимум 5% своего рабочего времени.

— На самом деле целая группа людей в руководстве страны постоянно занималась международными вопросами: Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Валентин Фалин, тот же Черняев. К ним часто примыкал секретарь ЦК по идеологии Вадим Медведев. Сам же Горбачев всегда был уклончив. Его ответы можно было толковать и так и этак. А процесс уже назрел: Варшавский договор трещал по швам. Проблема была еще и в том, что любые слова Горбачева руководители ФРГ трактовали в свою пользу. Вместе с тем единого европейского фронта политиков за объединение под флагом ФРГ в тот момент не было: Европа еще не отошла от подозрительности к возможному усилению Германии. Тэтчер и Миттеран не хотели ускорения процесса объединения. Коля и его министр иностранных дел Геншер чувствовали себя неу-

Июль 1990-го. Встреча в Архызе. Слева направо: Эдуард Шеварднадзе, Гельмут Коля, переводчик Александр Курпаков, Михаил Горбачев. На втором плане — Раиса Горбачева

веренно. В таком состоянии они прилетели с визитом в Москву. Они не могли не знать, что на состоявшемся перед их визитом пленуме ЦК КПСС политика Горбачева и Шеварднадзе была подвергнута критике. Их волновало, захочет ли в этих обстоятельствах Горбачев пойти на уступки ФРГ. Но на встрече Горбачев сделал заявление, которое Коля воспринял как сенсацию. Страницу «Правды» (за 11 февраля 1990 года) с этим заявлением Тельчик взял в рамку и повесил у себя в кабинете. ТАСС сообщал: «М. С. Горбачев констатировал — и канцлер с ним согласился, что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решать сами немцы и сами определять свой выбор, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать». Это была полная свобода рук на внутригерманских переговорах.

— А что вы думаете о самом моменте крушения Берлинской стены?

— Все произошло как-то поспешно и неумело. Руководство ГДР в этот момент было просто в разобранном со-

стоянии. Они по привычке хотели от Москвы указаний: что делать с демонстрациями, защищать ли стену, как поступать в отношении с ФРГ... И не получали никакого внятного ответа. Посол Кочемасов, работавший в Берлине (ГДР) мой коллега, послал в Москву шифрограмму с ожиданием указаний в этой тяжелой ситуации. Ему тоже не ответили. Можно сказать, что внятным из Москвы было лишь указание держать войска нашей группировки в казармах.

— Владислав Петрович, как я понимаю, самым тяжелым событием за ваше почти восьмилетнее посольство в Германии был вывод из этой страны советских войск. Ведь это тоже было прямым следствием и крушения стены, и намечавшегося объединения...

— Вспоминаю июльскую встречу Горбачева с Колем в Архызе. В перерыве между заседаниями в кругу советников обсуждали с Михаилом Сергеевичем нашу финальную позицию: «Как будем поступать — у нас там Западная группа войск, мы стоим в самом центре Европы?» «Не стоим, а лежим, — махнул он рукой. — Даже денег нет их содержать...»

— В некоторых книгах, воспоминаниях эта встреча, Архыз выглядит просто символом капитуляции...

— Ничего неожиданного и незапланированного в Архызе не произошло. Переговоры по членству объединен-

ной Германии в НАТО, по переходному периоду, по финансированию вывода наших войск шли к тому времени более полугода.

— Почему же мы так мало получили на вывод и обустройство наших войск — 15 млрд, а, как говорят, требовали больше 80 млрд?

— Нужно понимать слабость нашей переговорной позиции. Жесткость наших публичных заявлений и требований нивелировалась нарастающими просьбами об оказании экономической и финансовой помощи для преодоления острейшего кризиса, в котором оказалась страна. Наши западные партнеры широко этим пользовались, наращивая свои требования и не идя ни на какие существенные уступки. Свой шанс отбросить СССР они использовали в полной мере.

— Давайте вернемся к Архызу.

— Полет в Ставропольский край, которым когда-то руководил Горбачев, был продолжением переговоров в Москве. Коля согласился лететь в ожидании получить от Горбачева согласие на полный суверенитет своей страны. Остановились в Ставрополе, где Михаил Сергеевич устроил посещение крайкома, которым он когда-то руководил. К радости журналистов, Коля согласился сфотографироваться в кресле первого секретаря. Дальше вертолеты сели в поле, и люди, убиравшие урожай, стали желать двум лидерам успехов. На следующий день состоялся очень напряженные переговоры. Горбачев добился ясного подтверждения важных для СССР положений в предстоящем урегулировании. В частности, речь шла о том, что иностранные войска НАТО не будут развешиваться на территории бывшей ГДР и там не будут размещаться ядерное оружие и средства его доставки. После дискуссии канцлер с этим согласился. Президент настаивал на сокращении количества военных подразделений в предстоящем на потолок в 370 тыс., хотя Горбачев начинал с 250 тыс. Была достигнута договоренность по оплате пребывания в Германии Западной группы войск (ЗГВ) на протяжении четырех лет — правда, в меньших размерах, чем мы рассчитывали. Оговорили условия вывода и финансирование строительства квартир для офицеров ЗГВ. Так что именно встреча в Архызе открыла путь к завершению переговоров «шестерки».

— Вы рассказываете — и вроде все гладко, а я вспоминаю публикации тех лет: занесенные снегом палатки выведенных в поле частей Группы советских войск в Германии, застрявшая техника, махинации с военным имуществом...

— Все, в том числе и дипломаты, немало намучились, реализовав эти договоренности на практике. Едва ли не миллионы солдат и офицеров, немислосное количество вооружений! Выделенных немцами денег явно не хватало. От СССР войска отделила Польша. Все обязательство друг перед другом стран Варшавского договора закончилось. Поляки повели себя жестоко: хотите проехать — платите. Пришлось снаряжать флот, везти морем.

— Странно, что последним посетившим ГДР руководителем большой страны был французский президент, а не советский...

— Миттеран не только посетил ГДР, но даже успел на прощание подписать какие-то соглашения. Он предлагал Горбачеву совершить этот визит вместе, но Михаил Сергеевич, наверное, справедливо отказался, понимая, что ему достанется лишь миссия могильщика этой страны.

— Тот случай, когда могильщик и освободитель вполне могли быть в одном лице. Спасибо за разговор.

ЭКСКАРС

Никто не ждал революции

Историк **Илько-Саша Ковальчук** анализирует, какие силы внутри ГДР были решающими при сносе стены и свержении диктатуры Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Эта статья и о том, как много восточных немцев ни на что не решились и лишь наблюдали за революцией из-за занавески.

Илько-Саша Ковальчук

В 1989-1990 годах весь мир за таив дыхание следил за развитием ситуации в Германии. Каждый день там происходило нечто, о чем еще накануне никто не мог даже помыслить. Беспорной кульминацией явилась ночь с 9 на 10 ноября 1989 года и падение Берлинской стены, десятилетиями служившей символом коммунистического господства над половиной Европы.

В различных уголках планеты сегодня можно увидеть отдельные сегменты стены, продолжающих напоминать о символе несвободы и диктатуры, некогда разделявших Берлин, Германию, Европу и весь мир. Во многих языках слово «Штази» — разговорное обозначение восточногерманского Министерства госбезопасности — по сей день служит синонимом подавления и слежки и символом диктатуры СЕПГ.

Берлинская стена была наиболее заметным проявлением вездесущего полицейского государства, державшего все свое население за колочей проволокой. В США тоже стоит несколько фрагментов стены, в частности в парке Президентской библиотеки им. Рональда Рейгана в Сими-Вэлли, штат Калифорния.

Именно Рейган 12 июня 1987 года произнес у Бранденбургских ворот в Западном Берлине эти знаменитые слова: «Мистер Горбачев, снесите эту стену!» Тем самым он ободрил мил-

лионы живших за ней людей: свободный мир о них не забыл.

Берлинская стена пала усилиями не только восточных немцев, но и поляков с венграми, чехов со словаками, эстонцев, латышей и литовцев. Первые камни из нее в период после 1980 года были вышиблены польским антикоммунистическим движением «Солидарность».

Когда 9 ноября 1989 года восточным немцам окончательно удалось пробить в стене брешь, политики в Лондоне и Париже поначалу не решались встать на сторону немцев и появившейся перспективы их воссоединения, в отличие от поляков и американцев. Не кто иной, как президент Джордж Буш, поспешил заверить немцев, что США — надежный партнер, который поддерживает Германию и сделает все, чтобы немецкий народ как можно скорее восстановил государственный суверенитет и единство. В той ситуации Буш-старший оказался важнейшим другом Германии, его непоколебимая политика вскоре вынудила бывших союзников по анти-

Символичной для восточногерманской революции датой является 9 октября 1989 года. В этот день в Лейпциге на демонстрации против СЕПГ вышли свыше 70 тыс. человек. Власти не стали топить протесты в крови, хотя многие опасались, что это произойдет. Всего за несколько дней высокопоставленные функционеры СЕПГ в очередной раз за свистительствовали китайским коллегам свое восхищение решительным пресечением выступлений оппозиции: в июне 1989 года в Пекине и ряде других городов Коммунистическая партия Китая расправилась с сотнями правозащитников и упрятала тысячи человек за решетку. Однако вершуха СЕПГ капитулировала перед неожиданной массовой протестом в Лейпциге. Революция никогда не одерживают победу над сильной властью.

Диктатура пала потому, что voice and exit — «голос» и «выход» — совпали. Такими терминами экономист и социолог Альберт Хиршман (1915–2012), родившийся в Германии и ра-

бачев не хотел расходувать ресурсы на сохранение статус-кво.

Режим СЕПГ рухнул не сам собой. Для этого потребовались усилия активных граждан. Часть из них уезжала, бежала из страны, что во многом способствовало дестабилизации системы. Оппозиция же заявляла — как бы упрямо и грозно — в ответ на эмигрантское движение: «Мы остаемся!» Большинство граждан прятались

Режим СЕПГ рухнул не сам собой. Для этого понадобились усилия активных граждан

за занавесками до самого последнего дня — так бывает всегда, иначе в революциях не было бы нужды, — и ждали исхода. Позднее на них посыпались дары демократии, свободы, верховенства права, которых они никак не заслужили, но и это в исторической перспективе совершенно нормально.

«Новый форум», основанный 9–10 сентября 1989 года, вкупе с другими молодыми движениями правозащитников впервые стал местом общественного диалога. В первые же недели, к началу октября, таким шансом воспользовались тысячи человек, которые делали это с большим риском для себя лично. В ГДР начались перемены изнутри.

Никто не говорил, что революция явилась заслугой только движения правозащитников. Но предпосылкой для нее является накопление критиче-

ские молебны устраивались по понедельникам в церкви Святого Николая с 1982 года. — Д) в начале сентября 1989 года они не предложили выйти на улицы, знаменитым понедельничным демонстрациям было бы не из чего вырасти.

Никто не говорит, что революция явилась заслугой только движения правозащитников. Но предпосылкой для нее является накопление критиче-

ской массы единомышленников. На это и было направлено создание «Нового форума»: настало время выйти из церковных стен и предявлять всеобщему обществу некую концепцию, сформулированную достаточно широко, чтобы быть привлекательной в том числе для критически настроенных членов СЕПГ. За считанные дни и недели к «Новому форуму» присоединились десятки тысяч человек.

На демонстрациях полиция массово применяла силу, число задержанных росло. Протестующие скандировали в лицо властям «Нет насилью!» и призывали сограждан перестать прятаться за занавесками: «Граждане, не сверлите взглядом, спускайтесь и шагайте рядом!» Впрочем, большинство так и не последовало призыву, что можно понять с учетом количества полицейских.

Большинство пряталось за занавесками до самого последнего дня и ждало исхода. Позднее на них посыпались дары демократии, свободы, верховенства права, которых они нимало не заслужили

гитлеровской коалиции, включая Советский Союз, к отказу от блокирования путей к воссоединению.

Роль внешнеполитических факторов в восстановлении единства Германии несомненна. Горячие споры среди немецких историков сегодня вызывает другое: какие силы внутри ГДР имели решающее значение для свержения диктатуры СЕПГ?

ботавший в США, почти за 50 лет до этого описал диалектическое противоречие между стратегией эмиграции и интервенции. Историки давно доказали, что у революции в ГДР не было какой-то одной причины. Система пришла в упадок, экономика — тоже, политическая элита оказалась недееспособной, лояльность граждан была минимальной, а Гор-

личайшим риском для себя запечатлели массовую демонстрацию. Один западный корреспондент из числа их знакомых вывез отснятый материал в Западный Берлин, после чего сенсационные кадры облетели весь мир. Если бы не эти двое и если бы не инициатива лейпцигских оппозиционеров по проведению «понедельничных демонстраций», история революции была бы другой. Только благодаря этим кадрам массовая демонстрация стала точкой невозврата, событием, которое невозможно было отрицать и, главное, которое служило мотивацией для многих других людей.

Возможно, революция в ГДР случилась бы и в отсутствие оппозиции — как знать? Зато доподлинно известно, кто больше всего сделал для ее успеха. Кроме того, мы знаем, что нигде, даже в Румынии и Болгарии, коммунисты не уходили со сцены просто так. Решающую роль в этом — особенно в таких странах, как Польша, Венгрия, ЧССР или прибалтийские государства, — играла организованная оппозиция.

Есть и два других примера, подтверждающих, что все не так просто: экономика Кубы пребывает почти в таком же плачевном положении, в каком была экономика ГДР, но диктатура Компарти там сохраняется. Еще более вопиющий случай — КНДР, где у государства такой запас прочности, что краха системы в обозримом будущем не предвидится. Но если государство пошатнется, то, как показывает история, и в Северной Корее по аналогии с ГДР для революции потребуется зарзательная смелость немногих, которая подвигнет к восстанию массы.

Илько-Саша Ковальчук — немецкий историк. В 2009 году он написал книгу «Эншильв. Революция 1989 года в ГДР».

Берлин, ноябрь 1989-го

Исторический фоторепортаж о том, как исчезла Берлинская стена

Западногерманские бульдозер и кран создают первый проход на Потсдамперплац

Меньше месяца после падения стены. Западноберлинские школьники по дороге домой пересекают стену по открытому пограничниками ГДР коридору

За несколько дней 1989-го стена стала историей. На фото: молодой берлинец с сыном выбивает долотом кусочек стены на память

На следующий день после падения стены берлинские певцы и танцоры устроили праздник открытия границы между Западом и Востоком Германии. На фото: выступление на фоне Бранденбургских ворот

К 25-летию падения стены ее неснесенную часть украсили картинами и 8 тыс. светящихся шаров

СВИДЕТЕЛЬ

Слезы подполковника Йегера

Георг Масколо — автор репортажа, вошедшего во всемирное документальное наследие ЮНЕСКО.

Как получилось, что он со съемочной группой оказался на Борнхольмер-штрассе в тот самый момент, когда открылся первый шлагбаум?

Георг Масколо

Что чувствует человек на утро после того, как ему удалось заснять волнующие, сенсационные кадры сразу после открытия Берлинской стены? Ответу: пустоту и разочарование. 9 ноября 1989 года, кульминационный момент немецкой революции, пришелся на четверг. Очередной выпуск тележурнала Spiegel-TV, в редакции которого я работал, был запланирован на воскресенье.

Я думал об одном: кто захочет смотреть кадры трехдневной давности? Ведь все, что касается той исторической ночи, к этому времени будет показано несчетное количество раз. Но моего оператора Райнера Мерца и его ассистента Гермара Бистера, прекрасных профессионалов и коллег, чуть не подвело. «То, что мы видели, уникально», — упорствовал Райнер.

В последующие дни, когда в отеле я видел многочисленные спецрепортажи с однотипными кадрами очередей из «Трабантов» и людского ликования, во мне затеплилась надежда: может быть, нам и правда несканозно повезло? Кадры открытия пограничного шлагбаума на Борнхольмер-штрассе в Берлине до сих пор считаются уникальными, ЮНЕСКО даже включила их во всемирное (документальное) наследие наряду с литературным творчеством Гёте или с 9-й симфонией Бетховена.

Дело в том, что КПП на Борнхольмер-штрассе в ту историческую ночь стало первым, где людей стали беспрепятственно

Подполковник Харальд Йегер сегодня

пропускать в Западный Берлин. И в том, что эти кадры показывают: конец убийственной стены не был частью хитроумного плана политбюро, все произошло под нажимом населения на востоке. Падение берлинской стены фактически было ее штурмом. Отснятые тогда кадры до сих пор передают драматизм тех часов, отвая людей и растерянность пошатнувшегося аппарата подавления. Они задокументировали тот момент, когда в условиях диктатуры бояться начинает уже противоположная сторона.

Среди тех, кто в ту ночь смог перейти через границу, была и молодая женщина-физик, которая незадолго до этого вышла из сауны на Борнхольмер-штрассе. Имя никому не известной тогда немки сегодня знает весь мир — это Ангела Меркель.

Если бы тогда мы остались сидеть в баре нашего валютного отеля в ГДР у Бранденбургских ворот, этих кадров не было бы. Чуть раньше член политбюро Понтера Шабовски на пресс-конференции, о которой почти сразу заговорил весь мир, анонсировал новые положения о выезде для граждан ГДР.

Но что именно он имел в виду и кто действительно получит право выезжать из страны? За бокалом непомерно дорогого бочкового Radeberger опытные корреспонденты дискутировали об этом с такими новичками, как я. Помнится, даже самые смелые и самоуверенные из них не допускали ни падения Берлинской стены, ни воссоединения Демократической и Федеративной Республик. Мне было всего 25 лет, и я тем более не мог предположить, как будут развиваться события.

Мы не знали, что делать, но понимали, что бар отеля в центре Берлина не лучшее место, чтобы разобраться в происходящем. Поэтому мы собрали свое оборудование и отправились в Пренцлауэр-Берг. Этот район уже тогда слыл цитаделью сопротивления: его облюбовали недовольные, мятежно и оппозиционно настроенные восточные берлинцы. Застройка доходила до самого КПП. Если что-то будет происходить, то там, решили мы.

На улицах все было тихо, и потому на какое-то время мы снова засели за барную стойку. Но и в баре люди не говорили ни о чем, кроме заявления Понтера Шабовски. Никто не знал, как его понимать. В то же время в западных СМИ стали появляться сообщения: переход через укрепленную стеной границу открыт. Это не соответствовало действительности, но люди в районе Пренцлауэр-Берг были любопытными, нетерпеливыми, а в тот вечер еще и бесстрашными. Поэтому они отправились к Борнхольмер-штрассе. Мы последовали за ними.

Перед пунктом перехода через границу уже толпились тысячи человек. Они напирали, устранили давку, а потом принялись дружно скандировать: «Открывай, открывай!» Их требование подкреплялось обещанием: «Мы вернемся, мы вернемся!»

Мы стояли прямо у шлагбаума, еще закрытого, и у нас уже начались трения с пограничниками. Чтобы заснять атмосферу, мы перешагнули через ограждение и стояли — к ужасу гэдээровских стражей границы — прямо на нейтральной полосе. Один из них требовал предъявить паспорта и угрожал выдворить нас на запад. Я продолжал репризаться до того момента, когда прямо перед нами открылся запертый шлагбаум и ликующие массы хлынули на свободу. Это была первая брешь в Берлинской стене. На других КПП контроль документов был прекращен позднее.

Только по прошествии времени я смог понять, что на самом деле происходило в ту ночь: вместе со съёмочной командой я

взял интервью у всех пограничников и офицеров «Штази» (Министерства государственной безопасности ГДР — Д), которым выпало нести дежурство на Борнхольмер-штрассе. От них я узнал, что они все время запрашивали инструкции в штаб-квартире «Штази», не понимали, как быть, боялись и колебались. Стрелять никто не хотел, что такое «китайское решение», в ГДР знали все. Сначала от верхушки «Штази» поступила инструкция: тем, кто активнее других будет требовать, чтобы их выпустили, ставить штамп на половину фотографии в паспорте, чтобы впоследствии вычислять таких граждан и не пускать их назад. Это был последний обмен идущего ко дну режима.

Я до сих пор поддерживаю контакт с некоторыми офицерами, нешими дежурство в ту ночь, такими как подполковник Харальд Йегер, в конце концов отдавший приказ открыть шлагбаум. Когда этим летом по приглашению президента Федеративной Республики я в очередной раз рассказывал о событиях той ночи, Йегер был среди публики. Его неоднократно предлагали наградить крестом «За заслуги» перед Федеративной Республикой — как и венгерского подполковника Арпада Беллу, который в августе 1989 года поднял железный занавес на австрийской границе и тем самым помог бежать сотням граждан ГДР.

Уже совсем поздно в ночь на 9 ноября Йегер пытался найти на Борнхольмер-штрассе укромное место, чтобы дать волю слезам. Он заявлял в административный барак, но там уже сидел всхлипывающий капитан. Сегодня Йегер гордится своим поступком. «То, что в ту ночь дежурство несли именно вы, — это провидение», — как-то раз сказала ему одна женщина. «Нет, это график дежурств», — парировал Йегер.

Автор — Георг Масколо — был главным редактором журнала «Шпигель» (Der Spiegel) и руководил «союзом журналистских расследований», редакцией радиостанции NDR.

Революцию разведка не заметила

О том, что ближайшего союзника ждет неминуемая катастрофа, советские разведчики своего президента не предупредили. Не потому, что хотели утаить — просто ни в КГБ, ни в МИДе сами, кажется, не сознавали, что ГДР исчезает с политической карты мира. Об этой парадоксальной ситуации рассказывает **Леонид Млечин**.

Леонид Млечин

9 ноября 1989 года советские дипломаты и разведчики в Берлине не оценили значение пресс-конференции члена Политбюро и первого секретаря столичного окружкома партии Понтера Шабовски, после которой сотни тысяч восточных немцев ринулись к контрольно-пропускным пунктам, разделявшим город. И о том, что Берлинская стена рухнула, президенту СССР Михаилу Горбачеву доложили на следующее утро. Но все равно еще не сознавали, что социалистическая Германия скоро исчезнет.

Каждый день в шесть утра по аппарату междугородной правительственной ВЧ-связи докладывали в Москву ситуацию. Но попытки прогноза оказались безуспешными. Почему советская разведка, обладавшая в Восточной Германии всеми оперативными возможностями, не смогла предсказать скорый крах ГДР?

Работа под колпаком

Представительство КГБ в ГДР было крупнейшим аппаратом госбезопасности за рубежом. Там находилась Группа советских войск, и ее надо было, говоря профессиональным языком, «обслуживать»: следить, чтобы наших офицеров не завербовали и чтобы они не убежали на Запад.

Наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовки американцев на территории Западной Германии. Вторая задача — сбор информации о том, как ведут себя друзья — восточные немцы.

Всю информацию о положении в стране представительство КГБ получало официальным путем от местных коллег. Однако же восточные немцы свели к минимуму сообщения о своих секретных операциях, потому что занялись деятельностью, которую хотели бы утаить прежде всего от советских друзей. А Москва, конечно же, хотела знать больше того, что ей считали нужным сообщать немецкие товарищи.

Формально сотрудникам КГБ было запрещено вербовать агентуру среди граждан ГДР. В ЦК КПСС решили, что нельзя шпионить за братьями по социалистическому лагерю. Поэтому в соцстранах создавали разведывательные подразделения, о которых друзья ничего не рассказывали. Председатель КГБ Юрий Андропов распорядился перевести на это направление лучших работников Первого главного управления (внешняя разведка).

В последние годы существования ГДР внутри разведывательного аппарата представительства КГБ сформировали оперативную группу, которая полностью сосредоточилась на анализе положения дел внутри Восточной Германии. В группу, насколько известно, включили разведчиков, которые не были официально представлены немцам как сотрудники КГБ — тех, кто работал под журналистским или коммерческим прикрытием. Впрочем, руководство разведки это никогда не подтверждало.

Министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке не позволял советским коллегам вмешиваться в его дела. Так что сотрудники представительства КГБ в Берлине исходили из того, что немцы за ними присматривают, слушают их телефонные разговоры, ставят аппаратуру в квартирах, и старались не сделать ни одного неосторожного шага.

В западной стране разоблачение разведчика опасно только для него самого: если нет дипломатического паспорта, могут посадить в тюрьму. В социалистическом государстве пойманному с поличным разведчику ничего особенного не угрожало, но скандал мог достичь уровня Политбюро.

Присматривали даже за послом

Восточные немцы действовали жестко. Однажды полиция задержала офицера из представительства КГБ. Руководитель представительства генерал Анатолий Лазарев пожаловался на генсека Хонеккера в Москву, но проиграл, потому что Хонеккер сам пожаловался на него, и генерала отозвали.

— Мы делали то, что было необходимо, — рассказывал мне генерал

Советским властям и КГБ казалось, что западные и восточные немцы всегда будут общаться так — через стену с крыши автобуса

Виктор Буданов, который был первым заместителем главы представительства КГБ СССР в ГДР, — но никогда восточным немцам не раскрывали до конца нашу работу. Так же, как и они перед нами, к сожалению. Это более всего проявилось в последние

Немецким оперативникам помогли 170 тыс. неофициальных сотрудников — осведомителей

годы. Более того, был даже период, когда у нас возникли подозрения, что они за нами следят.

— А зачем немецкие друзья следили за своими старшими братьями — за советскими разведчиками?

— Потому что они боялись, что мы будем работать с их людьми, и приняли определенные меры. Не без оснований. Но то, что мы делали, не было нарушением соглашения о статусе представительства комитета в Берлине, которые были подписаны между КГБ и МГБ.

Немцы раздражались и в отместку подлавливали советских чекистов на разных проступках. Если кто-то увлекся выпивкой или завидел роман на стороне, немецкие братья доносили об этом в советское посольство и радовались, когда незадачливый сотрудник КГБ в 24 часа отправляли домой. Немецкие чекисты следили не только за своими советскими коллегами, но даже за советским послом. Этим ведал сам министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке. Наш посол в Берлине Вячеслав Кочемасов рассказывал мне, как это происходило:

— Я знал, когда меня Мильке записывал, когда перестал это делать. Вначале он следил за каждым моим шагом. Он в каждый конкретный момент знал, где я нахожусь. Еду в Вюндсдорф, в ставку нашей группы войск — он точно знал, куда и к кому я еду, сколько там пробыл, когда вернулся в Берлин. Один раз он даже похвалялся тем, что он все знает обо мне. Поэтому я был с ним очень осторожен.

— Выходит, люди министра госбезопасности постоянно следили за советским послом?

— У него были свои методы наружного наблюдения, — усмехнулся Кочемасов. — Это сложнейшая система, дорогой мой! Надо было поискать такую разведку и контрразведку, как в ГДР.

Особые связи

Главным секретом руководства ГДР были тайные отношения с ФРГ. Еще в конце 1970-х посол в Бонне Валентин Фалин сообщал о неизвестных Москве интенсивных контактах между двумя Германиями: «Помимо активнейших экономических связей между ГДР и ФРГ в обе стороны идут невидимые, но мощные потоки. По всем линиям: профсоюзной, научной, технической, культурной. Но особенно важны лично-семей-

ные связи и межпартийные, политические — сверхтайные. Десятки, сотни эмиссаров с разными заданиями ездят взад-вперед ежедневно. От нас это скрывают в первую очередь... Обратите внимание: гэдэровцы упорно отказываются принять нашу систему ГОСТ и пользуются западно-германской, общеевропейской системой стандартов».

Один из лучших знатоков Германии, Александр Богомолов, который попеременно работал то в аппарате ЦК КПСС, то в посольстве в Восточном Берлине, считал, что Эрих Хонеккер никогда и не был другом Советского Союза. К Леониду Брежнев и его соратникам генеральный секретарь ЦК СЕПГ относился без всякого пиетета. Он поставил своей целью улучшить жизненный уровень ГДР за счет денег, получаемых от Западной Германии. После критических замечаний Валентина Фалина — в узком кругу, среди своих! — в адрес Эриха Хонеккера, за ним самим установили слежку спецслужбы ГДР. Советские разведчики предупредили посла: будь поаккуратнее, помни, что находишься под прицелом. Но рычагов влияния на Берлин у Москвы не осталось.

Разговор в бане

В июне 1987 года в Дрезден приехал начальник советской разведки Владимир Крючков. Его интересовал первый секретарь окружного комитета СЕПГ Ханс Модров, перспективный политик, которому прочили большое будущее.

Ханс Модров вспоминал: «Маркус Вольф, в то время уже оставивший службу в разведке, спросил меня, не хочу ли я встретиться с ним и Крючковым за дружеским ужином. Я не был диссидентом, фракционером или уклонистом. Меня выводило из себя все возрастающий формализм, удручала атмосфера чиновничества и пропагандистского угара. Государ-

ство поникших голов, тяжелых век, заткнутых рта, онемевших языков, опущенных плеч. МГБ ГДР получило указание пристально присмотреться к моим связям с КПСС. Я почувствовал это по критическим оценкам Эриха Хонеккера моих «чересчур пыльных» контактов с Ленинградом, которые якобы затуманивают мой взгляд на СССР и перестройку. Откуда он мог знать, что и где я сказал?»

У Ханса Модрова сложились хорошие отношения с советским товарищами, что не нравилось руководству ГДР. «Я чувствовал, — вспоминал сам Модров, — что за мной следят, пытаюсь выяснить, как я эти контакты осуществляю и что обсуждается на этих встречах».

Присматривать за Модровым в Дрезден прислали генерала Хорста Бема, жесткого и ортодоксального офицера госбезопасности. Модров вспоминал: «Мне казалось, что Бем постоянно держит передо мной зеркало и говорит при этом: дела твои плохи, мой друг».

Быт и нравы

Представительство КГБ СССР по координации связи с Министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудники КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый.

Советские товарищи находились в материальной зависимости от немецких коллег, рассказывал мне бывший начальник информационно-аналитического отдела предста-

вительства полковник Иван Кузьмин. Министерство госбезопасности ГДР организовало в Берлине закрытый магазин для советских чекистов. Но это заведение превратилось в «лавку самообслуживания» для самих немецких офицеров, которые выносили через черный ход лучшие продукты.

Служба в ГДР считалась приятной и комфортной. Особенно ценились должности, позволявшие посещать Западный Берлин с его магазинами, ресторанами и кинотеатрами. Но таких счастливых было немного.

«Западный Берлин оставался табу для большинства советских граждан, работавших в ГДР, кроме тех, кто состоял в органах разведки, — вспоминал известный дипломат Юлий Квицинский, ставший первым заместителем министра иностранных дел СССР. — Не очень приятно пришло ехать туда и нашим дипломатам, даже работавшим в группе, которая в посольстве занималась Западным Берлином... Твердили, что Западный Берлин — гнездо шпионажа».

Тогдашний начальник четвертого (немецкого) отдела внешней разведки рассказывал мне, что каждый приезд Эриха Мильке в Москву становился событием. Министр госбезопасности ГДР привозил целую телегу с колбасами и бочонками с пивом, устраивал роскошный прием. Мильке обожал получать награды. Его маленькую слабость в Москве поощряли, отметив в общей сложности шестью орденами Ленина и золотой звездой Героя Советского Союза.

«Они ничего не понимают» Министр считал себя лучшим другом Советского Союза, но покровительственно, а иногда и пренебрежительно относился к сотрудникам представительства КГБ, особенно к тем, кто не знал немецкого языка. Мильке попросили выступить перед большой группой офицеров из управления особых отделов группы войск, армейскими контрразведчиками. Он говорил три часа с небольшим перерывом, внимательно следя за реакцией аудитории. Когда командующий группой войск и глава представительства КГБ пригласили его выпить по рюмочке, министр снисходительно заметил:

«По-моему, некоторые из ваших офицеров просто ничего не понимают. Мильке был самым большим работодателем в ГДР. Аппарат Министерства госбезопасности состоял из 92 тыс. штатных сотрудников. Существовали еще офицеры особого назначения (у нас они назывались офицерами действующего резерва), и они занимали важные должности во всех серьезных госучреждениях. Оперативникам помогли еще и 170 тыс. неофициальных сотрудников, осведомителей».

«Философия министра Мильке такова, — писал бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник

Маркус Вольф, — госбезопасность должна знать все, что происходит в стране. Из-под ее опеки не исключалась ни одна сфера, в том числе партия и ее руководящие органы».

Создали почти идеальную систему слежки за собственным народом, а революцию в собственной стране не заметили! ГДР исчезла в считанные дни. Вот уж от ГДР никто этого не ожидал! Она была самым процветающим социалистическим государством. Советские руководители любили ездить в Восточную Германию, чтобы, вернувшись, торжественно сказать: «Вот как способна работать социалистическая модель!»

И вдруг зримое доказательство правоты передовых идей исчезло с политической карты мира. Людям просто не нравилось, как устроена жизнь в стране, им надоел социалистический режим. А немецкие чекисты пребывали в уверенности, что это вражеские вылазки на деньги империалистических спецслужб, искали иностранную агентуру. Полицейские и переодетые в штатские сотрудники госбезопасности отбирали у демонстрантов плакаты с неприятными лозунгами, хватали вожаков... Так же оценивали происходящее и советские разведчики в Восточном Берлине, поэтому все происшедшее 9 ноября 30 лет назад оказалось для них сюрпризом.

***

Когда в Восточной Германии начались революционные перемены, Ханс Модров возглавил новое правительство ГДР. А генерал Хорст Бем не смог сохранить контроль над городом. 5 декабря 1989 года в Дрездене толпа захватила здание окружного управления госбезопасности. Сопротивления не встретили. Часть толпы перешла через дорогу и попыталась захватить и здание, которое занимали советские чекисты. К толпе вышел молодой офицер. Дрезденцы потом вспоминали его слова:

— Не пытайтесь проникнуть на эту территорию. Мои товарищи вооружены, и у них есть право в случае крайней необходимости применять оружие.

Это был подполковник Владимир Путин, служивший тогда в составе группы советских офицеров связи при окружном управлении госбезопасности. Толпа остановилась. Потом командующий советской 1-й гвардейской танковой Краснознаменной армией, дислоцированной по соседству, прислал солдат для охраны представительства. Надо полагать, будущий президент навсегда запомнил день, когда на его глазах в одночасье рухнула казавшаяся незыблемой политическая система и с карты исчезла целая страна.

ВСТРЕЧА

Дмитрий Врубель (слева) с сыном Артемом реставрируют знаменитую картину на остатке Берлинской стены

Реставрация поцелуя

Тридцать лет как стены нет, но она по-прежнему прючна, только теперь она символическая — в сознании многих восточных немцев, которые продолжают с ностальгией вспоминать о временах ГДР. Точно так же, как и в современной России, где множество людей хотели бы «вернуться в СССР». Когда-то казалось: людям ничего объяснять не надо — все и так понятно. Однако спустя 30 лет становится ясно: людям необходимо заново, каждый раз заново объяснять цену свободы.

Одним из важнейших «объяснений» такого рода стала работа российского художника Дмитрия Врубеля, известная в Германии как «Братский поцелуй», изображающая целующихся генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева и председателя ГДР Эриха Хонеккера. В апреле 1990-го Врубель за пять дней написал свою работу на уцелевшем фрагменте Берлинской стены, в 2009 году по просьбе мэрии он отреставрировал ее — как и другую, под названием «Данке, Андрей Сахаров!». Сегодня в беседе с Андреем Архангельским Дмитрий Врубель вспоминает о том, как это было и что изменилось за 30 лет.

— Сегодня ваша картина выглядит очень символично, в ней можно найти множество смыслов: поцелуй партии, обаяния тоталитаризма и так далее. Но в 1990-м, когда вы выбрали именно этот сюжет, какую философию вы вкладывали в эту картину?

— Сразу скажу, что четыре фотографии, три немецких и один французский, до сих пор борются между собой, утверждая, что именно их фотография послужила основой для моей картины. Но для нас, для тех, кто жил тогда в СССР, эти братские поцелуи были рутинной: они принадлежали самой жизни. И когда мне в апреле 1990-го предложили что-то изобразить на Берлинской стене, у меня сразу возникла в голове эта картинка.

Когда я увидел стену впервые, 10 или 15 работ там уже были, 2 запомнились: на одной на фоне флага ФРГ был нарисован моголендвид — это смотрелось очень круто, на второй Горбачев за рулем «Трабанта» с надписью «Горбачев, дай порулить». Все остальное было исполнено любителями, но общий контекст я тоже учитывал. Картина является средством коммуникации — в сущности, у меня была та же задача, которую я решал в Москве. Но там с помощью квартирных выставок я в основном коммуницировал с коллегами, с узким кругом зрителей... В 1987 году на меня пожаловалась соседка: то ли пахло краской, то ли еще чего, и ко мне в квартиру пришли две тетеньки из ЖЭКа — посмотреть, чем я занимаюсь. И вот я гляжу на них и думаю: можно сейчас устроить скандал. А можно, наоборот, показать им мою выставку. И я решил им показать картины. Они ушли потрясенные, никаких мер не приня-

ли. Я вдруг понял, что мои картины — это обращение не только к своим, но ко всем. И когда меня пригласили в Берлин, я уже чувствовал, что это должно быть обращение к немцам. Причем я уже понимал, что есть Восточный Берлин и Западный и это разные люди. И им нужно было сказать что-то, что поняли бы и те и другие. И, конечно, там должен был присутствовать и русский персонаж. — **Брежнева в то время семь лет как не было в живых, но это не вызвало вопросов у зрителей. Получается, все, как и вы, понимали, что речь идет не о конкретных персонажах, а о символах?**

— Знаете, я лет пять назад ехал в берлинском трамвае и услышал разговор двух молодых людей — мол, надо к Берлинской стене сходить, посмотреть эту картину, где «Горбачев целуется с Колеком... или с Кеннеди». Да, в какой-то степени Брежнев был символом всего советского, но для людей, как выяснилось, не столь важно, кто именно там изображен. Я сегодня редко бываю у стены, но каждый раз, когда там оказываюсь, я смотрю на людей. И понимаю, что для них, конечно, самое главное в картине — этот абсолютно искренний поцелуй, никакой политики. Политической частью является сама Берлинская стена. Это непонятное для современной молодежи сооружение — забор, глухая стена — в любом случае что-то не очень позитивное. И вдруг такой стопроцентный позитив, и вот это, на мой взгляд, срабатывает тут прежде всего. А кто эти люди — уже не так важно...

— **Как жила ваша работа с 1990 до 2009 года, до реставрации?**

Снесенная стена напоминает о себе. Продолжает быть куском быта и частью жизни современного человека

— До того как эту часть стены объявили памятником, в 2009 году, вообще не был ясен ни ее статус, ни статус картины. Возможно, главная функция картины в итоге в том, что она превратилась в место для выражения коллективных эмоций. Конечно, люди оставляли там свои автографы. В итоге за 20 лет моя работа была списана ими почти полностью на всех языках мира. К 2009 году от работы практически ничего не осталось, была видна только надпись сверху и чуть-чуть волосы Брежнева, поскольку люди туда не дотягивались. Но на фоне этой работы люди

по-прежнему продолжали фотографироваться. Я специально начал реставрацию в тот же день, когда написал ее впервые. И четыре дня никак не мог начать, потому что приходилось давать бесконечные интервью. И вот наконец начал рисовать, и меня, помню, охватило ощущение ужаса — оттого, что я не помню, как ее делать. И что не получится, как тогда. Притом что все люди вокруг — журналисты, берлинцы, европейцы — эту работу помнят. И она стала частью жизни огромного количества людей. Парадокс еще в том, что рисовать за 20 лет я, естественно, стал лучше, но это, как ни странно, тоже мешало! И на пятый-шестой день, когда стало понятно, что что-то получается, вышло пять местных газет, где на первой странице было сказано, что я возвращаю «Братский поцелуй» Берлину. Это я счел добрым знаком. — **Почему все же фрагмент Берлинской стены решено было оставить? В назидание потомкам?**

— На самом деле все прозаичнее. Это в своем роде особенность немецкой психологии — решительно расставаться с прошлым. Например, почти все, что было связано в Берлине с нацистским режимом, проклято. Та же судьба, вероятно, ожидала и социалистический Берлин, если бы это место не стало мощным магнитом для многих. В начале 1990-х годов Восточный Берлин был самым дешевым местом в мире для жизни: там создавались коммуны, устранились сквоты, огромное количество хиппи, панков и так далее. И одновременно эти развалины Берлинской стены — такого тоже

нигде в мире не было. И это неожиданно стало местом притяжения для миллионов туристов. В итоге сейчас там четыре или пять музеев Берлинской стены, процветающее туристическое место, причем это же один из центральных районов Берлина. Еще в 1996 году были планы все снести, и до 2009 года решали, сносить или оставить. В итоге нашли €2 млн на реставрацию и пригласили в том числе нас, художников. — **Глухая бетонная стена, разделяющая народ, — огромной силы образ. С точки зрения искусства как это работает сегодня?**

— Мы с Викторией Тимофеевой занимаемся последние три года VR — это когда надеваешь специальные очки и имеешь возможность как бы путешествовать внутри изображения. Одна из наших работ предлагала зрителям очутиться внутри Берлинской стены образца, скажем, 1985 года. Мы сделали такую опцию, чтобы можно было ходить между бетонными блоками, где ходили только пограничники. Когда я готовил эту ра-

Я вдруг понял, что мои картинки — это часть обращения не только к своим, но и ко всем

боту, я залезал на смотровые вышки в том числе. Это было очень странное ощущение. Стена была высотой 3,5 м. Когда ты ходишь по нейтральной полосе, между стенами, в принципе город ты не видишь. Ощущение буквально «пути в никуда» — все это тянется на километры и километры. Я пытался там пройти — сначала ногами, потом с помощью телепорта, и через какое-то время тебя просто накрывает, потому что все абсолютно одинаково и абсолютно непонятно: а зачем это все? Для пограничника это, допустим, был функционал. А когда обычный человек попадает сюда, это практически чистое искусство — две стены, контрольно-следовая полоса, ежи, колючая проволока. Это ощущение... не то что абсурда — нет, абсурда здесь нет, но... Помните фильм «Воспоминание о будущем» — об инопланетянах? Так вот такое чувство, что эту стену они построили с какими-то своими целями. — **В Берлине не меньше впечатлений производит пунктирная линия, которая идет через весь город — на том месте, где раньше стояла стена. Ты представляешь себе, что, скажем, еще 30 лет назад людям часто приходилось жертвовать свободой и жизнью, когда они пытались ее пересечь. А теперь один шаг — и ты уже на другой стороне и вообще не замечаешь этого. Это потрясающий опыт.**

— Мы живем в Берлине рядом с другим сохранившимся фрагментом стены. Когда я возил нашего сына Тему в школу, мы едешь по спускающейся в метро на Бернауэрштрассе — а оно в 1960–1980-е было забетонировано, поскольку рядом проходила стена. И я Теме объяснял: вот здесь и была та самая стена. И до того как ты вошел в метро, ты еще в безопас-

ности, а как только заступил за эту линию — считай, тебя убили. И он прыгнул через эту линию — ему было 13 лет — со словами: «Вот так живешь, а так убили». Снесенная стена продолжает напоминать о себе. Продолжает быть куском быта и частью жизни современного человека.

— **Способна ли она сегодня чему-то людей научить, предостеречь?**

— Думаю, что учит она не нас. Нас она ничему не может научить — не

Сейчас у нас прошли выборы в земле Бранденбург и в Саксонии — это территория бывшей ГДР. Второе место заняла в обеих землях «Альтернатива для Германии» — право-популистская партия, которую многие считают поствосточной. Многие говорят, что это связано с тем, что у людей по-прежнему «ГДР в головах». Это правда. Но есть и другая правда. 30 лет прошло после падения стены. Как только ты открываешь карту Германии, например, с головными офисами крупнейших немецких компаний — 90% этих офисов по-прежнему на Западе, Восток пустой. Даже в Берлине — хотя, казалось бы, столица — почти любая крупная немецкая компания представлена только филиалами. Что уж говорить о Котбусе или Франкфурте-на-Одере. То же самое — когда смотришь по количеству специалистов на Востоке и на Западе. Со стороны ФРГ в отношении ГДР в 1990-е велась, скажем так, достаточно колониалистская политика, основанная на том, чтобы высосать лучшие кадры с Востока. И большое количество гэдэровских профессионалов в 1990-е годы уехали работать на запад Германии. Но в итоге обе части Германии после падения стены не развивались равномерно. И в этом перекосе в какой-то степени есть вина и Запада, который действовал сугубо по расчету. Никакой капиталист, понятно, не откажется от использования дешевой рабочей силы. Но это породило у людей ощущение несправедливости, унижения, второстепенности. Поэтому здесь проблема с двух сторон: да, раны, нанесенные социализмом, колоссальны, но, безусловно, использование этой травмы в корыстных целях тоже было... Полтора миллиона поволжских немцев после 1989 года смогли переехать в Западную Германию. Когда первые самолеты, поезда прибывали из Омска, Казахстана, Киргизии — для людей это было потрясением. В СССР пенсия была 60 руб., а здесь — 200 марок. Бесплатно давали место для жилья, врачебную помощь. Тогда, в 1990-м, для них это было счастьем. Теперь, спустя 30 лет, они такие же немцы, казалось бы. Но есть данные, что у 700 тыс. пенсионеров из бывшего СССР пенсия на 30% меньше, чем у немцев, родившихся на территории Германии. Вест пафос, связанный с обретением свободы, оказался у многих людей погребен под грудой бытовых забот и разочарований, которые накопились за эти последние 30 лет. И с этим так же придется считаться.

ЭКОЛОГИЯ

Кому принадлежит Арктика?

Предложение Дональда Трампа о покупке Гренландии — это тревожный звоночек: Арктика, экологически дестабилизированный регион, может стать ареной новой холодной войны.

Йоахим Мюллер-Юнг, глава отдела научных новостей редакции газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung, о перспективах этого региона.

Йоахим Мюллер-Юнг

«К ушать подано, спешите к столу» — примерно с таким настроением, как будто нужно что-то побыстрому поделить, после чего жалеть и раскаты не придется, сильные мира сего смотрят сегодня на Крайний Север по ту сторону Полярного круга. В Арктике, где лето всегда было экстремально коротким и холодным, а зимой невозможно ни торговать, ни воевать из-за стужи и бурь, повышение температуры воздуха и океана получает иное, полное драматизма измерение: уже к середине XXI века среднегодовая температура здесь может подняться на 3–5 градусов даже при соблюдении и ужесточении положений Парижского соглашения по климату.

Льды тают, а вместе с ними окончательно улетучивается и сдержанность политиков на Востоке и Западе. Недавняя неудавшаяся попытка Дональда Трампа дипломатично замаскировать геостратегическую борьбу за влияние под «щедрое» предложение о покупке Гренландии показала миру весь драматизм ситуации. Отсюда вопрос: не станут ли территории вокруг Северного полюса, полностью дестабилизированные в экологическом отношении, еще и ареной новой холодной войны?

Многое указывает на то, что это может случиться — с фатальными последствиями для климата. Долгое время жители Заполярья (в общей сложности это менее 4 млн человек) поддерживали с остальным миром как бы отношения на расстоянии. Так, население Гренландии (около 60 тыс., из них две трети — представители коренных народов) сумело добиться широкой внутривнутриполитической автономии, и хотя живет оно помимо рыбалки в открытом море преимущественно субсидиями из Копенгагена, люди не теряют желания поскорее обрести полную независимость.

Арктическая политика государств, созданных в середине 1990-х годов Арктический совет, по-прежнему несет отпечаток стремления к нейтралитету и сотрудничеству. Однако за

кулисами уже точат ножи, причем не только члены совета. Так, с начала 2000-х годов все больше стран, не имеющих выхода к Северному Ледовитому океану и, более того, расположенных в тысячах километров от Полярного круга, таких как Китай, Индия и Бразилия, добиваются статуса наблюдателей. Такой статус не дает реального права голоса, но, по их расчетам, позволит влиять на решения прежде всего по хозяйственному освоению арктических территорий.

Помимо 200-миллионной «исключительной экономической зоны» государств, обладающих выходом к Северному Ледовитому океану, существует и ряд признанных многосторонних межгосударственных соглашений, таких как Конвенция по международному морскому праву, регулирующих вопросы хозяйственной деятельности и охраны природы.

Например, установка российского флага на Северном полюсе на дне Ледовитого океана не предполагает никаких международно-правовых последствий. А вот заявление о расширении российского материкового шельфа у берегов Сибири на 1,2 млн кв. км вглубь океана, поданное в соответствующую комиссию ООН, возымело действие: параллельно с таянием ледников и ледяного покрова северных морей в полную силу разгорается геополитическая борьба за ресурсы Севера.

Упражняться в скромности больше не хочет никто. Дания и Канада тоже уже заявили о расширении границ своего континентального шельфа. На кону нефть и газ (по оценкам, на дне Северного Ледовитого океана сосредоточена одна треть мировых запасов), цинк и железо, медь и никель, алмазы и многочисленные редкоземельные металлы, используемые при производстве смартфонов. А также рыба: половина здешнего улова оказывается на столе европейцев. Наконец, есть и важные полярные торговые маршруты, а также

Арктические условия еще остаются настолько тяжелыми, что инвестиции и военные авантюры по-прежнему сопряжены с колоссальными расходами и рисками

Армии многих государств активно готовятся отстаивать интересы своих стран на северных территориях

военно-стратегические цели. Если к середине XXI века Северный морской путь из Европы в Азию, как предсказывают климатологи, действительно перестанет замерзать, это позволит сократить расстояние морских торговых перевозок на треть. В частности, для Китая такой перспективы достаточно, чтобы на протяжении уже нескольких лет скупать земли и инвестировать в порты, компании и аэродромы в таких регионах, как Гренландия.

В мае госсекретарь США Майк Помпео во время встречи по Арктике в Гренландии не на шутку разбушевался, предостерегая китайцев от продолжения их «агрессивной арктической политики».

Германия, давно получившая статус постоянного наблюдателя, успела принять несколько крупных арктических конференций и на публике сохраняет дипломатичность. Однако о сдержанности и здесь говорить уже не приходится. В недавно принятых «Директивах арктической политики Германии» содержится явный призыв к более активной позиции: нужно «использовать шансы» и «принимать на себя ответственность». При этом идеалом для Берлина остаются мультилатерализм и выработка совместных решений с участием всех сторон.

В первую очередь это относится к исследованиям Арктики — сфере, в которой Германия в международном сравнении занимает выдающиеся позиции и не желает упускать возможности для интеграции. Впрочем, правительство в Берлине явно обеспокоено тем, что пробелы в международном праве и геостратегические торги, прежде всего между Китаем, Россией и Соединенными Штатами, в конечном счете дополнительно усиливают поляризацию в мире, что наносит урон интересам Германии и ЕС. Поэтому призыв к использованию экономических возможностей становится лозунгом номер один: дескать, необходимо выводить на позиции немецкую морскую технику, «перед немецкими компаниями открываются новые перспективы».

Вероятно, об опасности именно таких «перспектив» настоятельно предупреждала Межправительственная группа экспертов по изменению климата в своем недавнем отчете по океанам и криосфере. Хозяйственная деятельность с прицелом на экономический рост уже сейчас раскручивает экологическую спираль у Полярного круга. Опасные вторичные явления могут привести к дальнейшей дестабилизации региона. Выбросы сажи в составе отработанных газов затемняют поверхность льда, который в результате больше нагревается и быстрее тает, в дополнение к ускоренному потеплению воздуха и воды. Сокращение площадей оледенения не

повышает устойчивость экосистемы. Напротив, ухудшаются условия для белых медведей, рыб и планктона, пищевая цепь прерывается, а «климатическая установка» всего Европейского континента — обширная циркуляция воздушных и морских течений в Арктике — в последние годы сбавляет обороты. Природные катаклизмы случаются все чаще.

Таяние полярных льдов дает толчок более долгосрочным глобальным изменениям, которые не ограничиваются повышением уровня мирового океана. Так, мощность расположенного близ Гренландии «океанического насоса», который обеспечивает «центральное отопление» Европейского континента (более холодная и соленая вода устремляется вниз и увлекает за собой более теплые поверхностные воды Гольфстрима), существенно ослабла. Как следствие, глобальный транспортер океанических течений замедляется заметно быстрее, чем ожидалось.

О связанных с этим рисках, по всей видимости, всерьез не задумываются ни разработчики арктических директив Германии, ни соответствующие державы. Осенью специалисты по климатической политике вновь будут громко обсуждать оставшийся «бюджет» выбросов двуоксида углерода и настаивать на конце добычи ископаемых энергоносителей — угля, нефти, газа. Но, как ни парадоксально, воронье уже кружит над оттаивающими трупами наступающей полярной эры.

Как всегда, когда в дело вмешиваются крупные финансовые интересы и появляется запрос на маргинализацию природоохранной политики, вспоминают о безопасности. Слово берут военные стратеги. Арктика — единственная территория, где друг с другом непосредственно могут столкнуться крупные державы богатого Севера, — всегда обладала большим взрывным потенциалом. Россия уже увеличила численность военнослужащих и количество военной техники на севере, проводится больше военных учений, осуществляются реконструкция и расширение морских портов. США не намерены оставлять такие шаги без ответа.

В краткосрочной перспективе все это может не иметь большого значения. Арктические условия еще остаются настолько тяжелыми, что инвестиции и военные авантюры для всех государств по-прежнему сопряжены с колоссальными расходами и рисками. Однако с учетом долгосрочных интересов время терять нельзя: мягкий, ориентированный на сохранение окружающей среды курс арктической политики уже сталкивается с суровым встречным ветром.

Кварцверке – Больше, чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия

Quartzwerke

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ С 1884 ГОДА

www.quartzwerke.com

ВСТРЕЧА

«У нас три столпа: язык, культура, Германия»

Директор Гёте-института в Москве Хайке Улиг (на фото) рассказала корреспонденту «Д» Галине Дудиной о своем институте, поездках по стране и «иностранных агентах».

— Вы стали директором 1 января. Уже освоились или все еще чувствуете себя «новенькой»?

— Сейчас, можно сказать, переходный период между приездом, знакомством с институтом и планированием на следующий год. Десять месяцев — это уже много, но с другой стороны, я теперь отвечаю за большой институт со множеством направлений работы и выросшая за долгие годы партнерскую сеть не только в России, но и в регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Сюда входят наши институты в Алматы, Ташкенте, Тбилиси, Киеве, Минске.

— Гёте-институт неплохо известен как бренд, но не все точно знают, что вы занимаетесь и популяризацией немецкого языка, и поддержкой различных культурных проектов. Какое-то из этих направлений для вас приоритетно?

— Я знаю, что вы сами где-то в этом же возрасте занялись русским. В 1980-е изучали славистику в Потсдаме и Ростове-на-Дону. Обязательно было знать русский, чтобы стать директором Гёте-института в России?

— Формально такого требования нет. Руководители наших институтов по всему миру меняются раз в пять-шесть лет, и нужно быть действительно гением, чтобы выучить языки каждой следующей страны. Но, конечно, зная язык, по-другому чувствуешь себя в повседневной жизни, проще общаться с партнерами.

— Мы с вами сейчас говорим по-немецки, а на встречах вы обычно беседуете по-русски?

— Чаще всего. Если нужно обсудить какие-то тонкости, помогает переводчик. Нередко мои собеседники говорят по-русски, а я — по-немецки, и мы друг друга понимаем.

Германия действительно проделала и продолжает делать серьезную и тяжелую работу, пытаюсь разобраться с собственной историей

— Мы немецкий культурный институт, и это в общем-то исчерпывающее описание. Мы опираемся на три столпа: язык, культура, Германия. То есть, во-первых, содействуем изучению немецкого языка: предлагаем курсы и организуем экзамены, а также поддерживаем учителей и школы, где преподается немецкий как иностранный. Во-вторых, продвигаем международное сотрудничество в области культуры. И в-третьих, информируем о Германии — поддерживаем, например, переводчиков с немецкого, библиотеки, способствуем тому, чтобы люди с разных сторон узнавали о современной Германии. Выделить какое-то одно направление сложно. Кто-то, кому понравилось немецкое кино, однажды, возможно, придет на урок немецкого. И наоборот, язык открывает путь к культуре, литературе — к пониманию другого, другой страны.

— Знаете ли вы, кто в России целевая аудитория ваших курсов, кто учит немецкий?

— По статистике Министерства образования РФ и нашей собственной оценке, в России немецкий язык учат около 1,8 млн человек. Около 1,3 млн из них — это школьники, у которых немецкий — первый или второй иностранный язык. Россия по этому показателю входит в тройку лидеров в мире. На курсах непосредственно от нашего института в прошлом году учились около 6 тыс. учеников. Треть из них — дети и подростки, для них у нас есть специальные детские и молодежные курсы, а на каникулах — языковые лагеря. Но в основном молодые люди от 16 до 35 лет.

— Вы работали в Москве в конце 1990-х — начале 2000-х. Что изменилось за это время?

— Я впервые побывала в Москве в 1981 году. За это время Россия и Москва, конечно, стали совершенно другими. Думаю, что многие немцы сегодня, приезжая в столицу или другие города, оказываются поражены, ведь они ожидали увидеть не это.

Даже по сравнению с моим прошлым приездом мне показалось, что люди стали дружелюбнее, более внимательными друг к другу. Даже в метро, в общественном транспорте отвечают улыбкой на улыбку. Особенно

Гёте-институт — германская неправительственная организация, чья работа в 98 странах мира направлена на тех, кто интересуется Германией, немецким языком и немецкой культурой. В год по всему миру институт организует курсы немецкого языка примерно для 270 тыс. студентов (и еще помогает с организацией уроков и экзаменов 90 тыс. школ) и проводит около 33 тыс. культурных событий и проектов. В России первое отделение Гёте-института появилось в октябре 1992 года в Москве, позже открылись еще два — в Санкт-Петербурге и Новосибирске.

но атмосфера изменилась там, где много молодежи: в музеях, в кафе, в торговле. Складывается впечатление, что тебе рады, многие говорят по-английски или даже по-немецки.

— В регионах ситуация другая? Вы же и там бываете.

— В России у нас есть Гёте-институты в Санкт-Петербурге и Новосибирске, но я была и в Перми, Екатеринбург, Смоленске... И, конечно, жизнь в небольших городах (небольших для России, по меркам Германии это большие города) всегда отличалась от столичной: была спокойнее, менее суматошной.

В регионах у нас, кстати, помимо наших Гёте-институтов есть еще 20 языковых центров и полтора десятка читальных залов, с которыми мы сотрудничаем. Иначе нам просто в такой огромной стране было бы и не справиться.

— Недавно один из российских чиновников говорил мне, что для участия, например, в конференции городов-партнеров этим летом в Германии, российские участники из регионов на всякий случай запрашивали одобрение Министерства культуры. Сталкивались ли вы с подобной тревогой в регионах?

— Могу сказать, что спрос на курсы немецкого языка не упал. Многие учат немецкий, стремятся пройти экзамен — из карьерных соображений или чтобы поехать учиться в ФРГ. И потом, мы развивали свою сеть контактов с партнерами в регионах еще с 1990-х годов, и наше сотрудничество, наши совместные программы и проекты опираются на взаимное доверие. И мы чувствуем открытость, даже жажду обмена опытом, впечатлениями... Все это по-прежнему осталось.

— Но?..

— Но, конечно, мы чувствуем, что многие наши партнеры смущены, не уверены. С 2012 года действует закон, который позволяет называть «иностранным агентом» тех, кто финансируется и сотрудничает с иностранными организациями. От этого куда-то не деться, и определенное напряжение чувствуется в беседах. Хотя нашу работу это до сих пор не затронуло.

— В августе 2018 года председатель всего Института имени Гёте Клаус-Дитер Леман говорил о том, что Гёте-институт и партнерские организации в ряде стран — России, Китае, Турции — испытывают повышенное поли-

тическое давление. В случае с Россией, вы ходит, речь не о сложностях, которые испытывает непосредственно институт, а о ваших партнерах?

— Да, Клаус-Дитер Леман говорил именно об этом. Изменения в законодательстве заставили наших партнеров почувствовать себя неуверенно.

— А вы можете внести свой вклад в нормализацию отношений между Россией и Германией, Россией и Европой? Или предпочитаете вообще не вмешиваться?

— Мы немецкий культурный институт, и наш долг — это международное культурное сотрудничество и содействие взаимопониманию между народами. Мы некоммерческая организация и по характеру своей программы и деятельности — мы часть гражданского общества. Поэтому мы и не ориентируемся на актуальные политические события — это задача политиков и посольств. И история Германии показала: культура в политических целях — роковая ошибка.

— Это непросто, но, думаю, необходимо говорить о самих событиях и о их причинах, о том, как и почему принимались решения. Нужно говорить об истории собственной семьи и об истории страны — на основании документов, на основании самых разных источников. Задавать себе вопросы, причем открытые вопросы, требующие развернутого ответа. Со временем восприятие истории может меняться.

Германия действительно проделала и продолжает делать серьезную и тяжелую работу в этом смысле, пытаюсь разобраться с собственной историей. Но это очень важно, и что-то нам без сомнения удалось. Да, мы были вынуждены пройти этот путь, разобраться с нашей собственной историей и с нашей исторической ответственностью.

Что касается нашего института, как раз в этом году мы запустили важный совместный проект с организацией «Бессмертный полк. Пермь» и историком из Нижней Саксонии Карлом-Хайнцем Циссовом — проект о

Изменения в российском законодательстве заставили наших партнеров почувствовать себя неуверенно

В своей работе мы всегда стремимся развивать совместные проекты. Потому что именно в ходе обмена, в ходе знакомства друг с другом и долгосрочного сотрудничества и рождается доверие. Структура таких выстроенных годами связей способна выстоять даже в тяжелые времена, помочь понять друг друга, находить компромиссы. Это не всегда означает, что ты разделяешь чужое мнение, но хотя бы понимаешь, почему у другого оно отличается от твоего собственного.

— Вы свидетель того, как в России то и дело разгорается ожесточенные дискуссии на тему советско-германской истории. Эта тема очень политизирована. Видите ли вы для себя возможным как-то ее затрагивать? Учитывая, с одной стороны, ее деликатность, с другой — ваш собственный, немецкий опыт работы с болезненными воспоминаниями и темным прошлым.

судьбе советских военнопленных и принудительных рабочих. Сейчас многие архивы стали доступнее, и была подготовлена выставка «Возвращение домой» о военнопленных из этого края и их семьях, о том, как это было, когда мужчины пропадали, многие — чтобы не вернуться. О том, как с этой потерей жили семьи. Мы показали эту выставку в Перми и в Пермском крае, и в мае на открытии выставки я была очень тронута тем, сколько людей на нее пришло. Многие приходили с фотографиями родственников и документами. Они обращались к нам или к историкам с вопросом, как они могут узнать больше о судьбе своих отцов, дедов.

Этот проект мы будем развивать. Но главное, я думаю, что на обеих сторонах — на обществе в целом и на каждом в отдельности — лежит ответственность за то, чтобы сохранять эти воспоминания. Потому что без воспоминаний и вопросов, обращенных в прошлое, сложно идти в будущее.

ВЫСТАВКИ

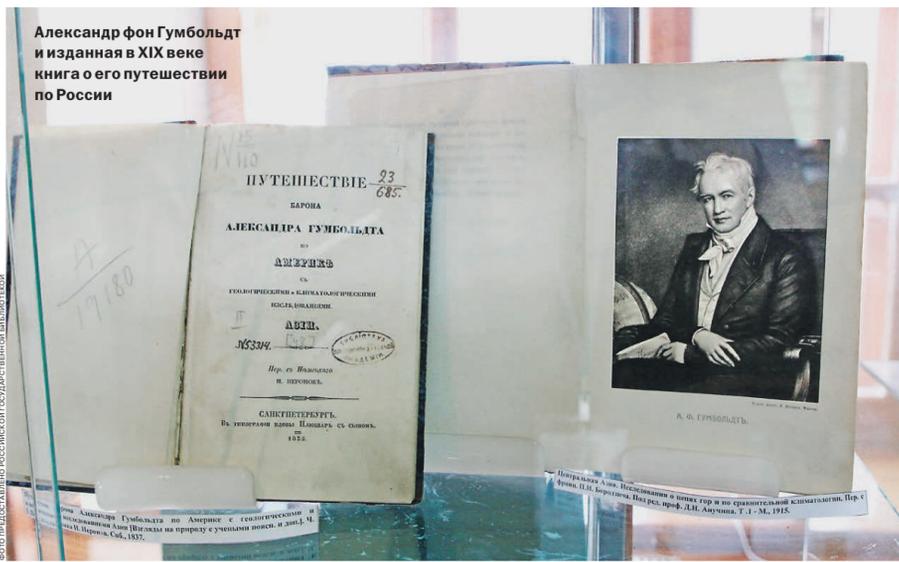
Магия Гумбольдта

Посвященная немецкому исследователю Александру фон Гумбольдту выставка с успехом завершилась в Российской государственной библиотеке (РГБ) и кроме прочего отметилась неожиданной находкой. Об экспозиции для «Д» рассказывает Валерия Ошеева.

Обычно выставки планируются в РГБ за год, но случай с Гумбольдтом особенный. Летом библиотека откликнулась на предложение Российского государственного гуманитарного университета отметить 250-летний юбилей немецкого естествоиспытателя. Поводом для экспозиции стала еще одна круглая дата: 190-летие путешествия Гумбольдта по России. Сотрудники основного хранилища отобрали книги, а отдел рукописей подготовил 15 автографов ученого. Большинство из писем Гумбольдта хранится в коллекциях министра народного просвещения Авраама Норова и попечителя Московского университета Сергея Строганова.

Выставка прошла в рамках российско-германского Года научно-образовательных партнерств. На открытии присутствовал посол ФРГ в России Геза Андреас фон Гайр. К слову, «Гумбольдт и Россия» — это не первый проект библиотеки, который связан с Германией. РГБ готовит для фонда Саксонской земельной и университетской библиотеки оцифровку нот композитора принцессы Амалии.

Выставка, посвященная Гумбольдту, привлекла внимание научного сообщества. Осмотреть экспонаты приходили даже профессора Бернского университета. Вот только самую интересную находку им так и

Александр фон Гумбольдт и изданная в XIX веке книга о его путешествии по России

ФОТОГРАФИИ ПОСРЕДСТВОМ КОМПЬЮТЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Гумбольдт «всколыхнул Россию»: дал толчок созданию сети метеостанций, строительству новых обсерваторий, развитию естественных наук

не удалось увидеть, поскольку она не вошла в экспозицию. Незадолго до открытия выставки сотрудник РГБ Элизавета Зотова обнаружила альбом с коллекцией газетных вырезок. Он поступил в библиотеку во второй половине прошлого столетия и ждал своего часа. Оказалось,

что собранные в альбом вырезки, открытки, фотографии и письма так или иначе касаются семьи Гумбольдт. В основном речь идет о старшем брате Александра Вильгельме и его жене. Первые вырезки относятся к концу XIX века, последние — к 1930-м годам. Примерно четверть альбома посвящена естествоиспытателю. Здесь и опубликованное в газете стихотворение на 90-летие Гумбольдта (до которого он не дожил), и заметка о том, как чувствуют ученого в Южной Америке.

Альбом — книга размера чуть больше А4 с темно-синей обложкой — предположительно принадлежал правнучке Вильгельме Анне фон Сюдюв. Она исследовала историю своей семьи. Чтобы доказать то, что именно Анна фон Сюдюв составляла альбом, требуется экспертная почерка. Затем проводится подробная опись находки и ей присваивается шифр. Только после этих

процедур можно будет выставлять альбом на всеобщее обозрение. Выставка «Гумбольдт и Россия», однако, и без этого экспоната привлекла посетителей. Когда куратор Анна Родионова уже разбирала экспозицию, она заметила группу людей: профессор МГУ привел на выставку студентов. «Мне пришлось все тащить обратно и показывать им выставку на руках».

Такое внимание куратор связывает с тем, что Гумбольдт «всколыхнул Россию»: дал толчок созданию сети метеостанций, строительству новых обсерваторий, развитию естественных наук. Его труды до сих пор издаются, а в городах, где побывал ученый, проходят «гумбольдтские» научные конференции.

Элизавета Зотова, рассказывая об альбоме, назвала свое маленькое открытие «магией Гумбольдта». Пожалуй, то же самое можно сказать и об интересе к фигуре ученого.

ИНДУСТРИЯ

Цвета моды — осенний лес

Бывшая жительница Саратова Инна Томас сделала в Германии редкую карьеру: она стала основательницей и совладелицей одного из самых важных в стране институтов моды и дизайна. О том, как ей это удалось и куда она движется дальше, для «Д» рассказывает **Дарья Болль-Палиевская**.

Дарья Болль-Палиевская

Рост 1,85 см, осанка, высокие скулы... Не удивительно, что на своей родине в Саратове историк и дизайнер Инна Томас подрабатывала модельером. Но быстро поняла: шить ей нравится гораздо больше, чем показывать на подиуме чужие модели. И все-таки если бы Инне тогда сказали, что она станет основательницей Института моды и дизайна, причем в Германии, она бы не поверила. Между тем Fashion Design Institut в прошлом году исполнилось уже десять лет и он является первым немецким вузом, включенным престижным американским журналом Seoworld Magazin в двадцатку лучших мировых школ моды. Инна и ее муж Харальд основали свой институт не где-нибудь, а в Дюссельдорфе — Мекке не-

Инна быстро поняла: шить ей нравится больше, чем показывать чужие модели

мецких, да и не только, модниц, неоспоримой столице моды в Германии. Знаменитые модные дома считают честь показать здесь свою коллекцию или открыть бутик.

А началось все с того, что молодая саратовчанка приехала в Германию изучать немецкий. Потом собралась в Америку на курсы английского, ведь без иностранных языков в индустрии моды не обойтись. Но тут вмешалась... любовь! Своего будущего мужа Инна встретила именно в Германии. После рождения первого сына поняла: просто сидеть дома сложа руки она не может. И решила риск-

Инна Томас в своем кабинете

нуть — создать свою школу моды. «Терять ведь мне было нечего», — смеется Инна. На риск пошел и муж, даже оставив для совместного проекта хорошую работу. Но неужели в Германии испытывался дефицит в модель-

ерах? «Проблема не в талантах, а в том, что никто не учил, как работать с самой с индустрией моды — проше говоря, как пришить пуговицы к рубашке», — объясняет Инна.

Супружеская пара Томас сделали ставку на максимально приближенное к практике обучение. И они оказались правы. Сегодня в

Fashion Design Institut учатся почти 400 студентов по специальностям от модельера до стилиста. «Мы разработали новые направления менеджмента и маркетинга моды, модной журналистики. Кроме того, открыли класс на английском языке, потому что к нам приезжают студенты из Китая, Франции, США, Южной Америки. Мы приглашаем известных модельеров, чтобы они рассказывали нашим студентам о том, как функционирует модный бизнес. Например, к нам приезжали Санто Версаче и владелица дома моды Missoni Анджела Миссоли. Так что мы вышли на международный уровень», — не без гордости рассказывает Инна. И с ней не поспоришь. FDI — единственная немецкая школа моды, которая, согласно рейтингу американского Forbes Magazin, в 2016 году вошла в список 50 лучших институтов моды мира. Сама Инна преподает в своем институте историю костюма и дизайн и является его творческим руководителем. А Харальд отвечает за финансы и маркетинг.

Сначала Инна параллельно работала над собственной линией моды Sava Nald, в названии которой использовала буквы своего имени и имени мужа. Но после рождения второго сына от этой идеи пришлось отказаться. Все силы уходят на Fashion Design Institut. Ведь школа не стоит на месте. Вот уже много лет студенты демонстрируют свои коллекции на Неделе высокой моды. Пришел успех, и теперь этот показ стал традицией: FDI ежегодно принимает участие в haute couture.

«На Берлинскую неделю моды мы теперь не ездим. Германия, к сожалению, перестает быть центром моды. Показывать себя в Берлине — это не круто», — объясняет Инна. И действительно, главное, чем отличается немецкая мода, — практичность. Для немецких женщин очень важно чувствовать себя в своей одежде комфортно. Русские же женщины, как подметил историк моды Александр Васильев, покупают вещи, чтобы «штabelaми все упали». Мы любим яркое, блестящее, вычурное и повторяем поговорку: «Хочешь быть красивой — терпи». «Не согласна с вами», — качает головой Инна. «Я внимательно слежу за российскими стилями, блогерами моды и должна сказать, что мода в России очень сильно изменилась.

Люди стали одеваться гораздо более спокойно, сдержанно, появился тренд на естественность. Сегодня в России есть очень много замечательных дизайнеров — например, мне нравятся Алена Ахмадулина и бренд Lime. Гоша Рубчинский меня восхищает, но скорее как бизнесмен, то, как он вышел на мировой уровень, хотя мне стиль его чужд и я бы не купила вещи из его коллекции». С некоторой грустью Инна добавляет: «Да и вообще мода перестает быть творческой. Сейчас много говорят о том, что мода стала более алгоритмовой. Создаются только те коллекции, которые будут продаваться. А такие дома высокой моды, как Christian Lacroix, за-

Главное, чем отличается немецкая мода, — практичность

кряваются. Даже мода haute couture становится приземленной. Вычурности, экстравагантности стало гораздо меньше».

Самой Инне часто говорят, что она принесла с собой в мир немецкой моды «русскую женственность». Наверное, в этом сочетании двух культур и кроется секрет успеха созданного ею института. С Россией Инна Томас контакт не теряет, и оба сына прекрасно говорят по-русски. «Том и Элиас у меня большие модники», — улыбается Инна. «Прекрасно разбираются в марках, в тканях». Совсем недавно мальчики вернулись от бабушки из Саратова, где провели летние каникулы. «Знаете, к Москве они равнодушны, ведь они путешествуют с нами и видели много мировых столиц. А вот Волга, русская природа, пляж, свобода, раки — от всего этого они в восторге».

Провести интервью с человеком из мира моды и не спросить, что же будет модно в наступающем сезоне, невозможно. «Будет много кожи, актуальны банты на блузках. Остаются лежачие юбки, модницы носят пиджаки оверсайз, но подчеркивают талию ремнем. В тренде грубая обувь и мягкие объемные пуловеры с большими воротами грубой вязки. А вот что касается цветов, то можно носить все. Посмотрите на осенний лес — вот это и модно».

МУЗЫКА

Начал с Бетховена

Прорыв в международной карьере уроженца России Кирилла Петренко произошел, когда он стал художественным руководителем дворцовой капеллы в Мейнингене. А в конце нынешнего лета он блистательно выступил в свой первый вечер в качестве главы Берлинской филармонии, продирижировав Девятую симфонию Бетховена. О дебюте и дебютанте для «Д» рассказывает **Клаус Гримберг**.

Клаус Гримберг

Свой первый выход на сцену с Берлинским филармоническим оркестром Кирилл Петренко начал с туши: у исторических Бранденбургских ворот он отметил вступление в должность главного дирижера известного оркестра Девятую симфонию Бетховена. Концерт под открытым небом в конце августа берлинцы смогли послушать бесплатно, и этим приглашением воспользовались 35 тыс. человек. Трудно представить себе более интенсивное знакомство с новым маэстро: тёплый летний вечер на фоне волнительных «декораций», одно из самых масштабных оркестровых произведений за всю историю музыки и, наконец, хорошее исполнение «Оды к радости» на слова Фридриха Шиллера. Поистине потрясающая затравка.

Сам Петренко ранее признавался, что для него не стоял вопрос, какое произведение выбрать для первого вечера. Эта симфония «несет в себе все то, что характеризует нас как людей — и с позитивной стороны, и с негативной», сказал Петренко на ежегодной пресс-конференции Берлинского симфонического оркестра в апреле. «Если мы захотим отправить на далекую планету послание, в равной мере содержащее как нашу фантастическую культуру, так и все те чудовищные вещи, которые сотворили люди, то с этой задачей может справиться только Девятая Бетховена», — отметил он.

В Берлине Петренко приняли радостно, с большими надеждами и многими почестями в счет будущих заслуг. Оркестр, как говорили и писали музыковеды, с нетерпением ждал начала новой эры, среди исполнителей «нет критических голосов», поведал солист-гобоист Альбрехт Майер газете Der Tagesspiegel.

Бетховен у Бранденбургских ворот. Дебют Кирилла Петренко (на фото) во главе оркестра Берлинской филармонии

Неустанная борьба Петренко за идеальное звучание, требовательный, но при этом всегда ориентированный на музыку энтузиазм и скромность, которой чуждо тщеславие, — дирижер, родившийся в 1972 году в Омске, покори коллектив заранее, ведь опыт взаимодействия с оркестрантами у него был. И теперь Берлинский филармонический оркестр, состоящий из лучших исполнителей, с любовью и нетерпением ждали, какие музыкальные сферы им еще откроются под руководством Петренко.

С точки зрения музыкальной истории избрание Петренко руко-

водителем Берлинского филармонического оркестра проверяет высеченный в граните тезис, будто «история не повторяется». Ведь пока совпадение налицо: в конце XIX века музыкальная карьера уже приводила в Берлин выдающегося руководителя оркестра из Мейнингена, небольшого городка в тюрингской глубинке.

Речь идет о Гансе фон Бюлове, который в 1880–1887 годах сумел превратить Мейнингенскую придворную капеллу в один из лучших ор-

кестров, после чего был приглашен на должность главного дирижера Берлинского филармонического оркестра, который, впрочем, стал одним из лучших коллективов только при нем. Конечно, в этом уже отличие: после промежуточных станций в Мейнингене, Комической опере в Берлине и Баварской государственной опере в Мюнхене теперь Петренко окончательно освоился на олимпе мировой классики. Решение пригласить тогда еще малоиз-

вестного молодого дирижера в Мейнинген в 1999 году стало одним из удачных шахматных ходов Кристины Милитц. Совместный труд главного режиссера Милитц и Петренко — исполнение всего «Кольца Нибелунгов» Рихарда Вагнера в 2001 году четыре вечера подряд — сразу принес руководителю оркестра международную известность.

Восхищенные критики оценили не только смелость идеи, но и необычайное качество звучания Вагнера в интерпретации Петренко. С этого момента на культурных полосах газет о нем отзывались с уважением и даже пиететом: безусловная приверженность каждому отдельно взятому оркестровому произведению, которым он дирижирует, даже ценителей заставляет порой преклоняться и восторгаться.

Когда в конце XIX века Ганс фон Бюлов приехал из Мейнингена, тюрингской провинции, в молодую тогда еще столицу империи, коллектив тамошнего оркестра отличался достаточно вольными нравами. Не кто иной, как Бюлов, запретил музыкантам есть и пить на репетициях, исполнителям приходилось воздерживаться даже от курения, равно как и от болтовни с коллегами. Бюлов славился своей железной дисциплиной и требовал от музыкантов того же. Как и до этого в Мейнингене, он превратил берлинский оркестр в коллектив, получивший международную известность и научившийся видеть в дирижере не просто живой метроном, но автора интерпретации произведения.

В отличие от Бюлова, Кириллу Петренко о таких базовых вещах сразу после назначения задумываться не приходилось. Его предшественник сэр Саймон Рэттл проработал главным дирижером в Берлине 16 лет и все это время лично принимал участие в многочисленных организационных и структурных переменах. Петренко уже объявил, что хочет сосредоточиться исключительно на музыке. Он много лет не дает интервью, не считая участия в ежегодной пресс-конференции Берлинского филармонического оркестра и бесед с отдельными музыкантами коллектива в рамках их инициативы Digital Music Hall.

Во время таких бесед Петренко ни на минуту не теряет концентрации, тщательно подбирает слова, но тем не менее производит впечатление человека очень радужного и общительного. Вполне можно поверить, что музыканты Берлинского филармонического оркестра буквально не могли дождаться его прихода.

Публика в Берлине напряженно ждет, как расставит акценты преэминик среди прочих Вильгельма Фуртвенглера, Серджу Челибидаке, Герберта фон Караяна и Клаудио Аббадо. Он представлялся берлинской публике с беспрецедентными для его предшественников пылом и динамикой: Девятая симфония Бетховена еще больше подняла планку ожиданий и надежд. Но едва ли кто-то в кругах мировой классики сомневается, что Петренко эту планку возьмет.

Концерт под открытым небом берлинцы смогли послушать бесплатно, и этим приглашением воспользовались 35 тыс. человек

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Прощай, телевизор, мы так тебя любили!

Недавно в Германии провели опрос «О чем из 1990-х — 2000-х вы скучаете?». Ко всеобщему удивлению, опередив эсэмэски, праздничные открытки и многое другое, первое место заняло телешоу «ТВ тотал». **Виктор Агаев** рассуждает о причинах этой тоски, телепредпочтениях немцев и о том, как в принципе устроено в Германии телевидение.

Виктор Агаев

«Живая пресса» — обычно скандируют мрачные пожилые люди, заметив журналистов ТВ на демонстрациях на востоке, там где, была ГДР. Ярлык Lügenpresse Геббельс обычно вешал на иностранных журналистов, писавших о гитлеровской Германии.

Слыша эти вопли, трудно поверить, что ровно 30 лет назад эти же люди на тех же площадях в Дрездене, Лейпциге, Берлине с восторгом позировали перед камерами тех же телеканалов ФРГ и с нетерпением ожидали выпуск их новостей. Телевидению ФРГ восточные немцы верили, видя в нем нормальное средство массовой информации, свободное от пропаганды, ничего не приукрашивающее, не скрывающее ни своих безработных, ни своих террористов, ни своих политических скандалов, позволяющее себе даже критиковать канцлера.

Систему радиовещания ФРГ (массового телевидения тогда еще не было) создали западные оккупационные власти. «Радио не должно быть рупором правительства и инструментом его пропаганды. В передачах должны быть взгляды всех слоев населения, всех групп общества и партий», — формулировал принципы создаваемой системы Эдмунд Шехтер, сотрудник информационной службы американской армии в 1945 году.

Система, построенная на этих принципах, была названа общественно-правовой и позаимствована у британской корпорации BBC. Ее независимость от государства гарантирована конституцией и системой финансирования. Деньги поступают не

из госбюджета, а от населения. Ежемесячно каждое домохозяйство (их в стране более 40 млн) обязано платить €17,5 на содержание телерадиокомпаний ARD и ZDF, созданных, согласно конституции, «для информационного обеспечения населения».

Независимость от власти гарантирует и форма управления. Это многорукая система советов, в которые делегируют своих представителей все парламентские партии, конфессии, профсоюзы, бизнес, спорт, женщины, различные меньшинства, культура и т. д. Советы формируют руководство, распределяют средства и внимательно следят за тем, насколько адекватно и равномерно освещаются в эфире проблемы страны и мира.

ARD, созданная в 1950 году как альянс шести радиостанций, выросла в мультимедийный холдинг, состоящий из 9 региональных компаний, имеющих около 20 телеканалов и 55 радиостанций. ZDF, созданная в 1961 году для конкуренции ARD, занимается только телевидением. Обе компании имеют корпоративы в 30 странах и участвуют в создании двух ежедневных международных телепрограмм: франко-немецкой (Arte) и австрийско-швейцарско-немецкой (Zsat).

Лишь в середине 1980-х ARD и ZDF получили реальных конкурентов — частные компании RTL и Sat.1 с бесплатным контентом. Сейчас частных около 200 (включая платные и телешоу

Вот он — Штефан Рааб, по шоу которого «ТВ тотал» скучает вся Германия, с очередным телевизионным призом

После объединения страны явным лидером на востоке (там, где была ГДР) стала RTL. Так, в 2006 году у нее там было более 14%, а у ARD-1 — лишь 12,0%. В это же время на западе страны у ARD-1 было 15%, а у RTL — около 10%.

В 2018-м традиционное ТВ ежедневно смотрела лишь треть молодых немцев и каждый второй в 30–49 лет

пинг), которые постоянно борются за рейтинги, поскольку от этого зависит объем поступающей рекламы. Чтобы участники рынка, борясь за зрителя, оставались в рамках морали и конституции, в стране создана, как всегда в Германии, запутанная система контроля. В частности, она должна предотвращать возникновение монополий — как финансовых, так и территориальных. Монополистом считается медиатрест, охватывающая более 30% зрителей в каком-либо регионе.

Это симптоматично, поскольку из опросов известно, что чем выше образование и уровень доходов, тем чаще люди предпочитают смотреть общественно-правовые каналы. И наоборот: RTL популярнее среди тех, у кого и образование, и доходы ниже. Так, в 2004 году среди «обеспеченных» зрителей рейтинг ARD-1 превысил 20%, а рейтинг RTL — 7%. А среди менее благополучных рейтинг ARD был около 10%, а рейтинг RTL — более 15%. Причем более образованные и обеспечен-

ные проводят у телевизора в среднем два часа в день, а народ попроще — пять часов.

Контент каналов в большой мере определяется уровнем публики. На ARD и ZDF практически каждый день после 20 часов идет какой-нибудь тележурнал, в котором, как правило, что-то или кого-то разоблачают, а также дискуссионные передачи. В сравнении с российскими они изобразительно скучнее и дешевле, но посерьезнее.

Аналитических передач на частных каналах не найти. Новости на них подаются в более сжатой и упрощенной форме. Правда, государство, заботясь об умственном развитии населения, обязало частные каналы выделять время и место для серьезных передач. Их делают самостоятельные фирмы, существующие при солидных печатных изданиях (Spiegel TV, Welt TV, NZZ.TV и т. д.), RTL, исполняя это требование, приобрел полноценный новостной канал (n-tv).

Но преобладают на частных каналах лицензионные шоу, игры и бесконечные реалити-шоу. В общем и целом все как и повсюду в мире. Что-то уникальное, свое, запоминающееся — большая редкость. Причем и нем-

цы доказывают, что все зависит не от затраченных средств, а от модератора.

Доказательство этому — Штефан Рааб (1966 г. р.). Он должен был по семейной традиции стать мясником в Кельне, но пошел в гимназию, стал успешным медиабизнесменом, музыкантом, артистом, певцом, участвовал в конкурсе «Евровидение», где занял седьмое место. Позже готовил к этому конкурсу Лизу Майер-Ландрут, получившую первое место.

Но широкую известность ему принесло шоу Tv total, которое он вел в 1999–2015 годах на частном канале Pro7. Четыре раза в неделю 16 лет!

Поэтому не удивительно, что сейчас, когда немцы активно обсуждают, чем запомнились 30 лет, прошедшие после объединения страны, многие (сегодня это люди среднего возраста) вспоминают именно Рааба. Но это только его личная заслуга.

Сама по себе передача Tv total — типичное американское late-night-show, идущее с 1954 года во всех странах мира, в том числе в России (шоу Ургант). Все эти передачи — близнецы по сценарию, композиции, набору эпизодов и гостей, интерьеру. Рааб оживлял их снятыми заранее вставными номерами, в которых он совершал что-то безумное: выходил на ринг сражаться с профессиональной боксершей, соревновался в беге на коньках с олимпийской чемпионкой, летал на военном самолете, лазил на скалы и т. д. Он был неутомим, делал, что хотел, испробовал десятки разных форматов, придумывал свои, развивал известные — в общем, тотальное телевидение.

Причину его популярности до сих пор не могут объяснить. Некоторые уверены, что основную роль сыграла его готовность потешаться над людьми по любому поводу — типичный немецкий юмор, окопный и грубый, но типичный для той целевой группы, на которую ориентируется Pro7Sat.1. Он не раз получал за свои шуточки в глаз. Однажды прямо после вручения очередного приза.

Никто не может объяснить и причину прекращения шоу. Кто-то считает, что он хотел бы делать более серьезные вещи (и он несколько раз показал, что способен вести даже по-

литические ток-шоу), но на его канале это не было востребовано.

Но у ARD и ZDF все популярнее передачи, в которых серьезная информация подается в виде развлечения (Infotainment). Наиболее яркий пример на ZDF — серьезное comedy-show Anstalt. Это слово может означать учреждение, и дурдом. Несколько хороших актеров как-бы пытаются понять политиков и их решения. Быстро завоевал популярность Ян Бёмерман (ZDFneo), чьи издевательские приколы довели до белого каления Эрдогана, который подал на него в суд.

На глазах происходит исчезновение линейного телевидения (это когда вы сидите и смотрите, что передают прямо сейчас). Благодаря современным телевизорам, имеющим выход в интернет (Smart TV), зрители, особенно люди до 50 лет, все активнее включают фильмы, передачи, репортажи из медиатек телеканалов (VOD). Это создателей, естественно, расстраивает, ведь люди смотрят не все целиком. Еще хуже то, что смотрят без рекламы, которая для каналов необходима.

В 2018 году традиционное ТВ ежедневно смотрели лишь треть молодых людей (до 30 лет) и каждый второй в 30–49 лет. Только пенсионеры смотрят линейное ТВ. Еще страшнее тенденция: годом раньше потребители линейного ТВ в каждой группе было почти на треть больше.

В среднем каждый третий «потребляет» видеоконтент в интернете. Но среди молодежи до 30 лет видео в интернете, в том числе в дороге, смотрят почти 75% (это не исключает просмотра ТВ). Когда людей спрашивают, без какого прибора они не могли бы обойтись, большинство с прошлого года называет смартфон, годом раньше был телевизор.

Все труднее создавать информационные программы на телевидении, потому что все чаще люди смотрят новости и комментарии из каких-то самозванных и неведомых интернет-телестудий, доказывающих, что они знают настоящую правду. Насмотревшись их, люди (практически только на востоке) выходят на демонстрации и орут «Lügenpresse», увидев профессиональных журналистов.

Безграничные ГОРИЗОНТЫ новых ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Больше чем просто вид.
Раздвижные системы Schüco.

Больше света, больше простора, больше комфорта. Системы раздвижных дверей Schüco позволяют создавать наполненные светом помещения и открывать новые перспективы благодаря беспороговому переходу между внутренним и внешним пространством. Узнайте больше по адресу: www.schueco.ru

окна и двери.

SCHÜCO